

Иноческое житие и благотворительная деятельность А. Л. Ордина-Нащокина в Пскове в 1670-х гг.

«От Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержца, в Царевичев-Дмитриев воеводе нашему Афанасью Лаврентьевичю Ордину-Нащокину. Пожаловали мы, Великий Государь, тебя, Афанасья, за твои к нам, Великому Государю, многия службы и радение, что ты, помня Бога и Его святыя заповеди, алчных кормишь, жадных поишь, нагих одеваешь, странных в кровы вводишь, больных посещаешь в темницы приходишь, еще и ноги умываешь, и наше Великаго Государя, крестное целование исполняешь.»

Похвальная Царская грамота от 28 апреля 1658 г.

ЭТИ слова царя Алексея Михайловича, вынесенные в эпитафию, являются поистине справедливой высокой оценкой деятельности А.Л. Ордина-Нащокина на поприще благотворительности и усердной службе Отечеству. Сказанные в 1658 г., еще до начала главных деяний Афанасия Лаврентьевича в Пскове, они характеризуют весь его жизненный путь в целом, и раскрывают основы христианского мировоззрения и нравственных ценностей этого доброго человека старой Руси. (См. рис. 1 и 2).

Существует большая литература о жизни А.Л. Ордина-Нащокина (1605/6 – 1680 гг.), о его мудрой миролюбивой политике, дипломатических заслугах и экономических взглядах, а также о реформах, проводимых во Пскове в бытность его воеводой (1665-1669)¹. Между тем, дела личного благочестия и милосердия Афанасия Лаврентьевича еще не привлекали в должной мере внимания исследователей. Большинство авторов ограничивалось лишь общим упоминанием известных фактов о

Постников Арсений Борисович – старший научный сотрудник Древлехранилища Псковского музея-заповедника
Некоторые материалы данной статьи были представлены автором на научной конференции ПГПУ «А.Л.Ордин-Нащокин и его время», проходившей в апреле 2006 г.

том, что на закате своей дипломатической карьеры ближний боярин Царя, псковский воевода и начальник Посольского приказа Ордин-Нащокин, подал прошение об отставке, и удалился от государственных дел и мирской суеты, уехав на родину в Псковскую землю. Здесь он принял в 1672 г. иноческий постриг в Иоанно-Богословском Крыпецком монастыре с именем старца Антония. Кроме того, повторялись сведения о последних заботах инока Антония, который в 1670-х гг. был «занят устройством церкви и богадельни в Пскове»². К настоящему времени уже опубликован целый комплекс документов, прямо или опосредованно повествующих о благотворительной деятельности А.Л.Ордина-Нащокина в Пскове. Среди них, прежде всего, следует отметить дореволюционные издания псковских актов XVII века, напечатанных священником Николаем Федотовичем Милевским и К.Г.Евлентьевым в «Псковских губернских ведомостях» за 1849, 1869 и 1871 гг.³. Кроме того, в «Археографическом ежегоднике» за 1964 год, была помещена статья Т.Н.Копреевой, с изданием ценнейшего первоисточника – автобиографической записки А.Л.Ордина-Нащокина⁴. Однако, несмотря на публикации, сведения о богоугодных деяниях «боярина Афанасия», содержащиеся

в них, не привлекались исследователями, не обобщались и не рассматривались с целью атрибуции построенной им церкви, и поиска местоположения известного благотворительного заведения, основанного знаменитым псковичом.

Недавно, в 2000 году автору этих строк уже доводилось писать о благотворительных учреждениях Пскова в XVI-XVIII веках. Тогда, в статье журнала «Псков», между прочим, сообщались сведения и о Новой Казанской больнице А.Л.Ордина-Нащокина⁵. В настоящей публикации продолжается исследование этой темы, с привлечением новых, прежде не использованных архивных материалов и изданий, ставших библиографической редкостью. При этом следует заметить, что изданные местными краеведами в XIX веке акты о Казанской церкви и богадельне к настоящему времени утрачены, что делает опубликованные тексты уникальными, наравне с подлинными документами.

Подчинение жизни А.Л.Ордина-Нащокина Божьему Промыслу

Предыстория замысла о построении в Пскове церкви и больницы такова. В 1663 г. А.Л.Ордин-Нащокин возглавлял посольство в Речь Посполитую во Львов к королю Яну Казимиру. Его целью должна была стать договоренность о русско-польском перемирии и размежевании спорных земель на границе по Днепру. Ордин-Нащокину поручалось предложить полякам союз с Россией против турок и крымских татар, а также оборонительное соглашение против Швеции – то есть общих врагов славянских народов. В марте 1663 г. Ордин-Нащокин прибыл во Львов несмотря на то, что в это время начался бунт части шляхты, возмущившейся предложениям Москвы и желавшей продолжать войну с Россией. Переговоры проходили в напряженной обстановке. Часть сенаторов и родовитых панов отказалась встречаться с русским послом, и жаждала возобновления военных действий против русских в союзе с врагами Москвы. Тем не менее, Ордин-Нащокин мужественно отстаивал интересы России, и, хотя посольство не достигло цели, «переговоры 1663

года явились важным этапом в дипломатической подготовке Андрусовского соглашения 1667 года» о мире и границах с Польшей⁶. Позднее, в своей автобиографической записке, Афанасий Лаврентьевич, вспоминая о тревожных Львовского посольства, отмечал, что находясь во враждебных условиях, и испытывая угрозы и провокации со стороны горделивой и бунташной шляхты, он молился «от многих печалей» испрашивая «избавления от всех зол» и помощи в достижении мира «перед образом Пресвятыя Богородицы, которой с ним был отпущен из государственного дому сверху, именуем Казанские образ Богородицы, и прося неотступно милости во вседневных молебнах во священнической октенье...»⁷. С заступничеством Богородицы Ордин-Нащокин осмыслял миротворческие подвижки в русско-польских отношениях. И, хотя не сразу, а постепенно, международная политика все же изменялась в пользу замирения и добрососедства. Икона Казанской Богородицы, данная царем в дорогу своему думному дворянину, как благословение, сопутствовала русскому посольству. Именно с этой иконой связано последующее устройство во Пскове одноименной церкви и больницы. Русское посольство в Речь Посполитую ехало через Псковскую землю, и обратно возвращалось тем же путем из Литвы. Спустя шестнадцать лет, вспоминая об обратном пути, Афанасий Лаврентьевич дивился божественному судьбоносному предопределению: «А из Литвы Пресвятыя Богородицы образа пришествие во Псков. О чудеси неизреченному! Воистину, превзыде силы небесныя, церковь создася Пресвятыя Богородицы в богоспасаемом граде Пскове, яко чудотворной образ светлыми лучами милосердия своего народы боголюбивых народов напоет, и множество нищих во святых обиталищах питает, яко же вседневные службы в тропаре и в кондаке кратко возвещается...»⁸. Однако, сразу по приезде из Польши осуществить намерение о строительстве храма во Пскове не удалось, поскольку Афанасий Лаврентьевич был всецело занят на дипломатической службе, и во всем следовал лишь воле государевой, а не своей. Но мысль о храмоздательстве не покидала его, так как была связана с его личным

религиозным чувством и потребностью исполнить свое духовное служение, которое он, несомненно, связывал и с государственной деятельностью. Ордин-Нащокин был убежден в провиденциализме истории, и искренне считал, что «сердце цареве в руках Божьих». Поэтому свою судьбу он ставил в зависимость от царской воли, тем более что находился в чине окольного, а потом и ближнего боярина. Разъезды по дипломатическим поручениям сдерживали возможности его благотворительной и церковной деятельности, о чем он позже вспоминал так: «А тогда, в ыноверных будучи народех, невозможно было того творити. Но всемогущая сила Божия действовала от преславного его царского величества лица сие в народы произвести и делом все показати учинилось»⁹.

Действительно, только после 2 декабря 1671 г., когда царь принял отставку Ордина-Нащокина и «от всее мирские суеты освободил явно», у него появилась возможность сосредоточить свои силы на духовном домостроительстве: то есть на совершенствовании в добродетели, нравственном созидании и делах милосердия.

По словам профессора В.С.Иконникова: «Религиозный и благодушный по своему характеру Ордин-Нащокин, после многих житейских неудач и неприятностей, избрал на конце своих дней тот путь, по которому еще следовали многие в древней Руси на закате старости...»¹⁰. Покинув Москву в начале 1672 года, он вернулся на родину в Псков. 16 января Афанасий Лаврентьевич прибыл в Иоанно-Богословский Крыпецкий монастырь, отстоящий от города на двенадцать верст, где, 21 февраля принял монашеский постриг от «той святой обители отца игумена Тарасия» в Крыпецком монастыре с именем инок Антония¹¹. Позднее, в своей челобитной на имя царя Федора Алексеевича от 26 июня 1676 г., «инок Антонище Нащокин» вспоминал об обстоятельствах пострижения. «Но и по отпуске моем нынешнем с Москвы во Псков ис Порецкие волости (что в Смоленском уезде, пожалованной ему царем за верную службу – А.П.) з бурмистры две тыщи ефимков послал в Смоленской приказ в Устюжскую четъ (т.е. отказался от материального благосостояния, отдав в государеву

казну деньги – А.П.), и боясь смертного часу дойду ль до **обещанного места**, а домишко свое оставил, и недошед Пскова, всего себя вручил Богу за Ваше Государское многолетное здоровье всечасно Бога молить»¹².

Приняв еще в Москве решение о постриге, он позаботился о распределении своего имущества и вотчин по велению совести. К тому времени Афанасий Лаврентьевич, судя по всему, был вдовцом. (Его жена в последний раз упоминается в источниках 1668 г.)¹³. Но у него был бездетный сын Воин и невестка. Однако у отца с сыном, по-видимому, отношения были не безоблачными, особенно после измены и побега Воина за границу. Впоследствии, уже после возвращения «блуднаго» сына и снятия с него царской опалы, отец, несомненно, любя его, обращался с ним строго и требовательно, чем, вероятно, вызвал еще большее отчуждение сына. При всей своей образованности и возможных способностях Воин не отличался усердным рвением к службе, и видимо оставался духовно чуждым делу отца. Он сам погубил свое жизненное и служебное поприще бегством за границу. Поэтому основные вотчинные земельладения Ордин-Нащокин отдал в казну, справедливо считая, что они должны принадлежать государю, и тем людям, которые ему верно служат, не ради корысти, а на пользу Отечества. В той же челобитной от 1676 г. старец Антоний объяснял свое решение так: «И я, убогой сирота, ещо в Молдавском отпуске также и в Лифлянтех ис под Риги оставлен и в посольских отпусках за чудотворными образы Спасовым и Пречистыя Богородицы последним покаянием обещался вам, великим государям, служить ни ис чести, ни из богатства, но чтоб совершение христианского миру и на неисчетные лета вам великим государям и царству Московскому на пространство было. И то, государь, все свершилось. И за такое, великий государь, благодарение Божие совершения миру, по обещанию моему, тысечь многих хлеба и денег и тое волость Порецкую во дворец» (отдал – А.П.)¹⁴.

Как известно, на протяжении всей своей жизни А.Л.Ордин-Нащокин много читал и собирал богатую личную библиотеку. Его пылкий ум не мог вполне удовлетвориться изданиями московского Печатного двора. С

детства, изучив иноземные языки, он читал зарубежные книги. Кроме традиционного набора богослужебных книг в его распоряжении были многочисленные богословские сочинения, исторические и политические трактаты. Из церковно-славянских изданий он предпочитал книги «киевского друку», и вообще духовно тяготел к западноевропейской образованности, плоды которой проникали на Русь из Польши, Литвы и Украины. Во время своих посольских поездок он не щадил денег на приобретение старых и новых изданий, и даже просил своих друзей покупать и присылать ему редкие книги. Оставаясь книжником-библиофилом, Афанасий Лаврентьевич, в то же время заботился и о пополнении библиотеки Посольского приказа в Москве, а также щедро одаривал книгами своих духовно близких друзей. Тем самым, он участвовал в деле распространения просвещения и был проводником новых идей. На склоне лет Ордин-Нащокин начал раздавать свою библиотеку, пристраивая ее книги в надежные руки. Так, около 1660-х гг. он сделал вклад в Псково-Печерский монастырь трех книг, переплетенных воедино владельческим переплетом. Это были творения святого Иоанна Златоустого «Беседы на 14 посланий Апостола Павла» (Киев, 1623 г.), его же «Беседы на Деяния Святых Апостолов» (Киев, 1624 г.) и «Толкование на Апокалипсис» Андрея, архиепископа Кесарии Каппадокийской (Киев, 1625 г.). По нижнему полю начальных листов вкладчик сделал собственноручную запись, первые слова которой не вычитываются, поскольку листы снизу подклеены. С л. 5 нн. – стлб. 234 скорописью сообщается: «... в 2- (?) день (заклеено) [де]яния преславных лавры Печерского монастыря в дом Пречистыя Богородицы дал многогрешный Афонасей Нащекин на украшение ... служения ... приснопамятных родителей вечного поминания по соборному гласу всех православных христиан потписал сие слезным молением что выше именовал»¹⁵. На отдельных листах оставлены читательские пометы. Экземпляры в хорошей сохранности дошли до нашего времени в составе книжницы Псково-Печерской обители.

Перед постригом, Афанасий Лаврентьевич, следуя обычаю, вручил некоторым

своим слугам «отпускные грамоты», по которым его дворовые люди получали вольную.

Старец Антоний Нащокин смог и на духовной ниве проявить себя, как боголюбивый добрый христианин, занявшись обустройством Николо-Любятова монастыря в 1675-79 гг. Кроме того, Ордин-Нащокин организовал на свои средства строительство новой псковской больницы и церкви Казанской Богородицы в Пятенной сотне за Петровскими воротами Среднего города.

О каждом из этих деяний следует рассказать особо.

Настоятельство строителя старца Антония Нащокина в Николо- Любятовском монастыре

По данным П.М. Строева в начале 1670-х гг. вплоть до 1675 г. Никольскую обитель возглавлял строитель Тихон¹⁶. Однако вскоре его сменил деятель во всех отношениях выдающийся.

Особо приближенный к царю, боярин Афанасий Ордин-Нащокин, уйдя в отставку с должности главы Поместного приказа – руководителя всей внешней политики России прибыл в Крыпецкий монастырь не с пустыми руками, но со всем своим боярским скарбом и даже с изрядной частью архива Поместного приказа. Все последующие годы он пристально следил за событиями большой политики, и сердце его кипело при возвышении одних и крушении других известных ему по государственной службе высших придворных чинов.

После смерти Алексея Михайловича (30 января 1676 г.) он даже пытался вновь дать знать о себе, отправив в Москву челобитную и две автобиографические записки, составленные им в 1676 и 1678 г.¹⁷. Однако деятельная душа этого боярина – инока с ее высокими устремлениями и помыслами не могла равнодушно взирать на положение местной церковной жизни, среди которой волею судьбы он оказался. Поэтому, с благословения архиепископа Арсения, он избрал себе в качестве послушания два богоугодных дела: строительство на свои средства новой каменной больницы в Пскове с церковью Казанской Богородицы и благоустройство

Николо-Любятова монастыря. Архиепископ Арсений (1665-1682 г.) давно был знаком с Ординым-Нащокиным, когда тот еще был воеводою в Пскове в 1665 г. Тогда они близко сотрудничали по вопросам благоустройства земского городского самоуправления, и преобразовательная деятельность воеводы находила поддержку и благословение владыки Арсения. Кроме того, это были два образованнейших человека в Пскове того времени. Оба знали иностранные языки, были людьми книжными, а взгляды их по многим вопросам обустройства жизни в России совпадали.

В результате, сложившиеся между ними дружеские отношения поддерживались на протяжении всех 15 лет их знакомства (с 1665 по 1680 г.). Об этом свидетельствует подарок боярина псковскому владыке 22 июня 1670 г. В качестве дара Ордин-Нащокин преподнес архиерею книгу Иннокентия Гизеля «Мир с Богом человеку, или покаяние святое, примиряющее Богу человеку...», напечатанную в типографии Киево-Печерской Лавры в 1669 г.

До Великой отечественной войны это издание находилось в собрании старопечатных книг Псковского Государственного Областного музея, но во время немецкой оккупации было утрачено. К счастью, сохранилось его описание в инвентарной книге, составленной сотрудником музея, священником А.С.Ляпустиным в конце 1920-х годов. Согласно описи, книга имела несколько собственноручных записей видных общественных деятелей XVII века. Эти автографы раскрывают путь, по которому книга попала с Украины в Псков. Самая первая запись сделана автором книги Иннокентием Гизелем на листах 1-23: «Сыя книга глаголемая Мир с Богом человеку есть ... монастыру братскому Могилевскому белорусскому, а храму Богоявления Господня от мене Иннокентия Гизиеля, архимандрита святыя и великия Лавры Киевския Печерския рок $\text{✠}\text{А}\text{Х}\text{Ѧ}\text{Θ}\text{.}$ (1669) месяца июня $\text{Ѡ}\text{Г}$ (23) дня». Однако, судя по следующей записи, архимандрит Иннокентий переменял свою волю относительно дарения, и книга была преподнесена главе Посольского и Малороссийского приказов Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину, который, спустя ровно год, передал ее псковскому ар-

хиепископу Арсению, о чем свидетельствует надпись с листа 24, выполненная рукой самого Нащокина: «Сей выше имянованный преподобный отец благословил грешного, после ж де имянуется, аз же доношу Пастырю пастырем святого града Пскова Преосвященному Арсению, архиепископу, мир мирови и церквам всяк дар свыше низпосылается и прочая, лета $\text{✠}\text{З}\text{Р}\text{ОН}$ (7178/1670 г.) июня в $\text{Ѡ}\text{Б}$ (22) день, и паки недостойный Афонасей Ардин Нащокин». По-видимому, владыка остался доволен этим ценным даром, и, уходя на покой в 1682 году в Петропавловский Сереткин монастырь, завещал труд Иннокентия Гизеля в библиотеку Троицкого архиерейского дома и собора, о чем оставил запись на листах 29-105: «Сию книгу глаголемую ... в Дом Святей Троице дал вклад Преосвященный Арсени, архиепископ Псковский по своих родителей, а подписал своею рукою». Последняя запись на книге была сделана уже после смерти архиепископа схимника Арсения (ум. 1 мая 1683 г.). На нижней доске переплета в 1689 г. отмечено: «Книга града Пскова Живоначалные Троицы подписана в $\text{✠}\text{З}\text{Р}\text{ЧЗ}$ (7197/1689) году генваря в З (7) день»¹⁸. Так записи на книге позволяют осветить духовные взаимоотношения трех замечательных людей, оставивших заметный след в русской истории XVII века. Они указывают на личное знакомство Ордина-Нащокина с писателем-богословом Иннокентием Гизелем (ок. 1600-1683), который являлся ревностным сторонником воссоединения Украины с Россией. Не случайно, его труд «Мир с Богом человеку...» был посвящен царю Алексею Михайловичу. В «Предословии до Его Царскаго Пресветлаго Величества» проводится благодарная мысль о необходимом покровительстве и заступничестве, которое оказывает русский царь народу Малой России и Киевской Лавре. «Буди мир в силе твоей (Псалом 121)... Яко Твой Орел с Воином, Обитель Богородицы святую Печерскую покрывает и защищает. Известно Ей и сие есть, яко и впред святой Обители Печерской, Твое Царское Пресветлое Величество не оставит, паче же от насилия и разорения защищати будет; ради умножения себе вечнаго на небеси воздаяния»¹⁹. То есть, адресуя свой дар Афанасию Лаврентьевичу,

как главе внешнеполитического ведомства, киевский архимандрит выражал надежду на оказание впредь поддержки для украинских земель и Киева со стороны Православной Великой России в обороне от посягательств поляков-католиков и турок-магометан. Действительно, для Ордина-Нащокина эти проблемы были особенно актуальны, поскольку ему приходилось обсуждать на переговорах вопросы урегулирования международных отношений с Польшей, участвовать в решении судьбы Киева и заниматься пограничным размежеванием земель в Приднепровье. В то же время, по содержанию, книга Иннокентия Гизеля была посвящена христианской этике – важнейшей сфере человеческих деяний. В ней подробно излагались нормы морали для представителей всех социальных слоев общества от царя и первосвященника до последнего подданного или нищего. Труд представлял собой тщательный разбор всевозможных грехов, характерных для разных категорий людей, и показывал пути их преодоления с помощью покаяния и совершенствования в добродетелях. Эта книга явилась насущным пособием по нравственному богословию того времени. Ее идеи были созвучны убеждениям и духу русского дипломата, всегда искавшего пути государственных политических решений по совести и чести, а псковскому архиерею данное сочинение могло быть полезно для провознесения проповедей и келейного чтения. Таким образом, через круг чтения наших героев мы больше узнаем об их духовном мире, а также о том, что при встречах они имели интеллектуальные беседы на богословские и нравственные темы.

Несомненно, что при личных беседах в Крыпецком монастыре, архиерей пошел на встречу благочестивым устремлениям своего знакомого родовитого постриженника, и благословив старца Антония на устроение в Пскове храма и больницы перевел его из Ивано-Богословской обители в Николо-Любятвов монастырь, для того, чтобы монах-боярин был ближе к городу и мог следить за осуществлением своего замысла, и распоряжаться необходимыми средствами. При этом архиепископ Арсений поставил его в чин строителя – настоятеля монастыря. Более высокий игуменский чин старец Антоний не

мог воспринять потому, что не имел священнического сана. Кроме того, он уже был престарелым и больным человеком семидесяти лет от роду, и вместо него вести богослужение должны были любятовские иеромонахи.

Следует заметить, что выбор Любяттовского монастыря для жительства был также не случаен, и согласован с желанием старца Антония. Не даром в челобитной царю Федору Алексеевичу от 26 июня 1676 г. инок Антоний, рассказывая о своем постриге, сообщает, что «по отпуске моем нынешнем с Москвы во Псков», он, «боясь смертного часу дойду ль до обещанного места ... и недошед Пскова, всего себя вручил Богу»²⁰. Надо полагать, что этим обетным местом для монашеского уединения Афанасий Лаврентьевич заранее избрал Николо-Любяттовскую обитель. Но вынужден был принять постриг по пути из Москвы в Псков, не доезжая города, в Крыпецком монастыре, расположенном неподалеку от Новгородской дороги, по которой лежал его путь. По-видимому, это произошло из-за плохого самочувствия боярина, вызванного сердечными переживаниями после отставки от службы. По наблюдениям исследователя В.О.Эйнгорна, незадолго до отставки Афанасию Лаврентьевичу стало нездоровиться, что, несомненно, было связано с его душевными волнениями, вызванными политической волей царя, который вынуждал его на переговорах с поляками действовать вопреки данному им посольскому обещанию по вопросу о Киеве. Совесть и чувство нравственной ответственности за свои политические деяния, побуждали его отказаться от ведения переговоров на иных условиях, чем того требовали статьи заключенного прежде перемирного Андрусовского договора. Ордин-Нащокин заболел еще зимою 1670 г., и разболелся вновь летом 1671 г. «вследствие вынесенных в это время неприятностей и огорчений»²¹. Поэтому, когда он возвращаясь во Псков почувствовал обострение болезни, то поспешил в ближайший Крыпецкий монастырь.

Из всех псковских монастырей Любяттовская обитель была ему особенно близка по дорогим воспоминаниям о служении государеву делу в судьбоносные времена Псковского бунта. Именно это обстоятельство может объяснить причину появления в

ее стенах А.Л. Ордина-Нащокина. Для этого необходимо напомнить некоторые сведения из предшествовавшей истории.

В 1650 г. произошли широко известные события Псковской смуты, чудесным образом повернувшие судьбу Николо-Любятковского монастыря. В начале мятежа (в феврале 1650 г.) А.Л.Ордин-Нащокин едва не пострадал от бунтовщиков из-за причастности к хлебной торговле и знакомства с гостем Федором Емельяновым. Срочно уехав из Пскова в Москву, он лично доложил царю о причинах бунта, и предложил план усмирения мятежа. Для подавления восстания из Москвы было послано войско И.А.Хованского, «советником которого в походе под Псков являлся тот же Нащокин»²², проявивший распорядительность и инициативу, замеченные царем.

Пытавшийся с ходу покорить взбунтовавшийся Псков, московский воевода, князь И.А. Хованский, уже на подходе к Снятной горе получил от горожан жестокий отпор, потеряв часть обоза с личным имуществом. Несколько последующих военных столкновений убедили князя не предпринимать своими малыми силами решительного штурма города, а приступить к его длительной блокаде. Согласовав свои действия с царем, он рассредоточил московские полки вокруг городских стен, перекрыв все ведущие ко Пскову дороги.

В дислокации войск основными опорными пунктами И.А. Хованского стали: с севера – Снятогорский монастырь (все же захваченный воеводой) и с юга – Николо-Любятов монастырь.

При обители Николы Чудотворца сосредоточили крупный отряд – свыше 700 человек дворянской конницы. «Между Снетной горой и Любятинским монастырем был поставлен острог, где засели стрельцы и 200 дворян»²³.

Таким образом, Николо-Любятов монастырь, на время блокады и подавления псковского мятежа, являлся одним из основных военных и духовных оплотов московского воинства, что было впоследствии оценено государем и его окружением.

Хорошо известно, как Алексей Михайлович высоко вознес отличившихся при подавлении мятежей – Новгородского ми-

трополита Никона и псковского дворянина А.Л. Ордина-Нащокина. Не была обойдена государевой милостью и скромная обитель Николы Чудотворца в Любятове, монахи которой в своих челобитных (и в этом им нужно отдать должное) настойчиво напоминали правительству о своих заслугах.

Главным в их просьбах неизбежно являлось то, что монастырь столь сильно пострадавший от постоя московских ратных людей Хованского и столь много сделавший для их содержания, – еще со времен литовского разорения, утратил все свои вотчины и кормиться попам и братии было решительно нечем. После многих прошений, московские чиновники дали ход любятовским челобитным. Государь, возможно при подсказке своего псковского любимца А.Л. Ордина-Нащокина, воспринял их весьма благосклонно, и на монастырь посыпались царские милости.

Во-первых, по именной грамоте Алексея Михайловича от 1659 г. черным попам Любятова монастыря, монашеской братии и всему церковному причту была положена руга - персональное государево ежегодное денежное жалованье, выдаваемое из Дворцового приказа: «черным попам по полтора рубли, дьякону по рублю, рядовым старцом и крылошаном, да дьячку и пономарю (все-го семи человеком) по полтине, сторожу полполтины»²⁴. Регулярность ежегодных выплат подтверждается Приходо-расходными книгами Псковской приказной палаты за 1680 и 1693/94 годы. Сумма руги составляла 7 рублей 25 алтын²⁵.

Во-вторых, по милости государя в 1659 г. была удовлетворена просьба любятовских монахов о передаче им старой вотчины заброшенного на реке Черехе Малопустынского монастыря, ибо по их челобитью: «тот Малопустынский монастырь разорен от литовских людей больше осмидесяти лет, поросл лесом»²⁶. Дар был весьма щедрым, и к 15 пустошам Любятовской обители добавились 37 пустошей и 3 селища Малопустынских земельных угодий²⁷.

С этих царских пожалований начались новые времена в хозяйственной и церковной жизни Николо-Любятова монастыря, связанные с его небывалым подъемом и про-

цветанием, превратившие обитель в одно из наиболее известных и привлекательных для псковичей мест духовного паломничества и иноческого прибежища.

С 1675 г. старец Антоний Нашокин становится настоятелем Николо-Любятова монастыря в чине строителя. Об этом свидетельствуют документы 1677-1679 гг.²⁸. Вероятно, с этих пор обитель полностью обустроивается и обретает комплекс жилых и хозяйственных сооружений, описанный при разборке ветхих деревянных строений Любятова монастыря в 1782 г. К тому времени там находились: «настоятельские и братские кельи, хлебопечкарня, квасоварня, конюшая келья, конюшня и конюшие сараи и около того монастыря ограда с кровлею и с воротами»²⁹. При строителе Антонии была прекращена тянувшаяся с 1659 г. приказная волокита о приписке Малопустынского монастыря к Любятову, о чем дано подтверждение из Новгородского приказа от 185 (1677) года³⁰. Стали заселяться монастырские вотчины. К 1678 г. на них уже разместились 13 крестьянских и бобыльских дворов. Стараниями старца Антония, возможно на его средства, в Пятницкой сотне Пскова было сооружено Любятовское монастырское подворье. В Переписи 1678 г. о нем сообщалось: «Двор приезжей Николы Любятова монастыря для приезду строителя з братею а на дворе живут того ж монастыря бобылки: Емелка Тимофеев у него сын Стенка, осми лет, Федка году, да другой бобыл Евдокимко Федоров»³¹.

Вместе со строителем Антонием (Нашокиным) трудилась и монашеская братия: черные попы Антоний и Порфирий, казначей Михаил Ларионов, старцы Варлам и Тихон и вкладчики; среди которых в 1679 г. упоминается Дорофей Григорьев сын Гдовленин³².

Кроме того, перепись 1678 г. поименно перечисляет монастырских работников того времени:

«Монастырь Николая Чудотворца, что на Любятове, а в том монастыре живут слушки Тимошка Васильев, Мишка Ларионов, псаломник Анашка Федоров, Дорошка Григорьев.

Да за монастырем на конюшенном дворе монастырские работники Терешка Марков, у его дети Сергушка десяти лет, Иевко

семи лет, да работник ж Артюшка Ануфриев у него сын Васка дватцати лет.

Да за монастырем на монастырской земли: двор, работник Обросимко Созонов у него сын Марчко пятнатцати лет, Куземка десяти лет; двор, бобыл Ивашко Иванов у него дети: Остратко одиннадцати лет, Петрушка десяти лет, Нефетка осми лет, Осипко шти лет Проннка трех лет, место того ж монастыря; двор дворцовой городской бобыл Костка Савастьянов, место того ж монастыря»³³.

Находясь в Никольской обители, старец Антоний проявлял попечение о разделе своего бывшего недвижимого имущества, оставшегося в миру. К этому его побуждал нравственный долг, поскольку он чувствовал необходимость возвращения государю тех пожалований, от которых отказался, уйдя в монашество. Кроме того, ему необходимо было проститься и примириться со своим сыном Воином, дать ему духовную грамоту и завещание. Поэтому «государев богомолец инок Антонище Нашокин» 26 июня 1676 г. подал в Псковской съезжей избе челобитную в Новгородский приказ на имя царя Федора Алексеевича, чтобы напомнить о себе новому молодому самодержцу, которому могли быть полезны дипломатические знания и опыт старца Антония, желавшего хотя бы заочно писаниями и советами оказывать сильную помощь государю в вопросах внешней политики. «И ныне, Государь, в продолжение грешного живота моего, бью челом тебе, Великому Государю, чтоб остатней долг подмосковная Песье и московский двор на Кулишках с полаты, на тебя, Великого Государя, взято было, а на сынишка моево Воинка многое мое челобитье, чтоб твоим Великому Государю милостивым указом с Москвы ко мне выслан был для последнего душевного разрешения»³⁴.

Будучи настоятелем монастыря, Ордин-Нашокин сохранял интерес к событиям государственной жизни и международной политике России. Он не прекращал размышлять о судьбе дипломатических договоренностей с Польшей по вопросу об Украине. Исследовательница позднего литературного творчества А.Л.Ордина-Нашокина Т.Н.Копреева, разыскала в архивах его обстоятельные записки с обзором внешнеполитических проблем

и «программой действий, рассчитанной на сохранение союзных отношений с Польшей и установление мира с Турцией». В 1678 г. Нащокин составляет сразу две записки: «Ведомство желательным людям» автобиографического характера, и «Извещение истинное с начала войны о Киеве с Украиной и царства Московского с королевством Польским миру совершение быти крепко»³⁵. Адресованные царю, эти послания возымели действие, и о почтенном старце вспомнили в Москве и пожелали привлечь его к участию в дипломатических переговорах.

Последнее упоминание о знаменитом Николо-Любятковском строителе старце Антонии находим в «меновой записи на пустоши Дмитриевского и Любятова монастырей от 7 апреля 1679 г.»³⁶.

В том же году, когда возникли проблемы по переговорам с поляками, и королевские послы ожидалась в Москву – царский гонец с именной грамотой от Федора Алексеевича примчался в Псков, и инок Антоний, облаченный в боярское платье, был препровожден в столицу. Как сообщает А.В.Терещенко, «Причиной такого вызова его было прибытие в Москву (в 1679 г.) польских послов: Киприана Бростовского и Яна Гнинского с поручением, продлить перемирие по Андрусовскому договору еще на тринадцать лет, потому что польское королевство, ослабевшее от многолетних войн, имело в нем крайнюю нужду»³⁷. В виду разногласий на переговорах в октябре 1679 г. Ордин-Нащокин вновь вернулся в Псков, где вскоре и скончался в 1680 г.³⁸

О месте упокоения старца Антония Нащокина

Теперь необходимо особо рассмотреть еще один важный вопрос о месте захоронения А.Л.Ордина-Нащокина. По утвердившемуся в историографии представлению столичных историков, местом погребения старца Антония называется Крыпецкий монастырь³⁹. Однако псковские источники дают совсем иные сведения, вынуждающие усомниться в распространенном мнении.

Первое упоминание о завершении земной жизни Ордина-Нащокина в Крыпецкой обители находим в статье сенатора и историка

А.Ф.Малиновского (1833 г.). Приведем буквальную выдержку из нее: «Сей образцовый вельможа-человек кончил жизнь в 1680 году. Как только дошло известие в Москву о кончине его, то отправлен был в Крыпецкий монастырь Дьяк с Царским повелением забрать все оставшиеся после Нащокина бумаги, и отдать их в Посольский приказ на сохранение»⁴⁰. Будучи начальником Московского архива коллегии иностранных дел, Алексей Федорович Малиновский, несомненно, имел доступ к подлинным бумагам, связанным с деятельностью русских сановников-дипломатов XVII века. Ясно, что при подготовке статьи А.Ф.Малиновский пользовался актами Посольского приказа, но где именно он нашел эти сведения неизвестно, так как он ни на что не ссылается. Все последующие авторы (А.В.Терещенко, С.М.Соловьев, В.С.Иконников, В.О.Ключевский, И.В. Галактионов, Е.В.Чистякова), в вопросе об обстоятельствах и месте смерти Нащокина ссылаются лишь друг на друга, но никто не указывает первоисточников. Более того, документально ничего не известно о жизни и деятельности старца Антония в период его нахождения в Крыпецкой обители. Возможно, ответы на эти вопросы содержатся в бумагах Афанасия Лаврентьевича, вывезенных из Пскова в Москву в Посольский приказ. Ныне они могут находиться в фондах РГА-ДА, но пока они не выявлены.

Следуя за столичными историографами и биографами Ордина-Нащокина, некоторые местные краеведы до настоящего времени повторяют непроверенные и не доказанные сведения о его захоронении в Крыпцах, которые кочуют из одной статьи в другую⁴¹. Логика авторов понятна: если Афанасий Лаврентьевич постригся в Крыпецкой обители, значит там он прожил все девять последних лет, там же умер и был погребен. Однако если обратиться к архивным фондам Древлехранилища ПИХМ, ГАПО и РГАДА XVII-XVIII вв. можно найти документы непосредственно связанные с деятельностью А.Л.Ордина-Нащокина в Пскове после пострижения в монахи. Кроме того, К.Г.Евлентьев уже опубликовал комплекс грамот Николо-Любятова монастыря, в которых упоминается строитель старец Антоний Нащокин. Правда, изданные грамоты

остались без историко-археографического комментария и не привлекали внимания исследователей за исключением священника Гавриила Васильевича Лебедева, автора статьи «Погост Любятово», вышедшей в Псковских Губернских ведомостях за 1887 г., от 20 июня. Но и он лишь отметил упоминание строителя Антония Нащокина в 1677 и 1679 гг. в Любятовском монастыре при этом, никак не связав его с личностью выдающегося русского дипломата⁴².

Наконец, искусствовед Е.Н.Морозкина в своей кандидатской диссертации «Зодчество Пскова как наследие» (1967 г.), рассказывая об архитектурных формах храма Николы в Любятове, обронила такую фразу: «В середине XVII века, при царе Алексее Михайловиче, настоятелем этого монастыря был передовой для своего времени человек, бывший начальник Посольского приказа Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащокин, который здесь и погребен. (После служебных и личных неудач Ордын-Нащокин постригся и был во иночестве в псковском Крыпецком монастыре, откуда был вывезен в Москву, вновь в Посольский приказ, но долго не удержался и вернулся в Любятовский монастырь)»⁴³. Несмотря на некоторые исторические неточности в изложении, Е.Н.Морозкина впервые в тексте научного исследования обратила внимание на пребывание и возможное захоронение старца Антония в Любятове, хотя и не сделала ссылки на источник этой информации. Однако теперь точно известно, что сведения об этом Е.Н. Морозкиной сообщил через С.А. Цвылева знаток старинных псковских рукописей и создатель Древлехранилища Л.А. Творогов, располагавший документальными подтверждениями этого факта. В одном из писем к Е.Н. Морозкиной от 4 февраля 1962 г., ныне опубликованном, библиограф С.А. Цвылев сообщает: «Экстренно пишу Вам, чтобы Вы незамедлительно прочли или обзавелись книжечкой: Галактионов И., Чистякова Е.А. Ордын-Нащокин – русский дипломат XVII в. М., Соцэкгиз, 1961». Далее он приводит по этой книжке некоторые сведения из биографии Ордина-Нащокина, связанные с его пребыванием в Пскове и постригом в Крыпецкой обители. Напоследок, С.А. Цвылев пишет: «Возникает предположение,

что он был жертвователем Крыпецкого монастыря и, следовательно, некоторые постройки могли быть произведены на его средства. Словом, Вам открывается еще одна интересная страничка в Ваших изысканиях»⁴⁴. В другом письме от 11 марта 1962 г. С.А. Цвылев уточняет для Е.Н. Морозкиной: «Да, Леонид Алексеевич говорит, что Орд.-Нащокин похоронен не в Крып. м-ре, а в Любятове (около Пскова). У него есть документ, подтверждающий это»⁴⁵. Позднее, на первом письме (от 4. 02. 1962) рукою Елены Николаевны была сделана приписка для памяти: «Ордын похоронен в Любятовском м-ре. У Л.Ал. (Творогова – А.П.) есть документ. Е.М.»⁴⁶. Таким образом, выясняется, что Л.А. Творогов был первым из краеведов, кто осознанно связал имя А.Л. Ордина-Нащокина с Николо-Любятовским монастырем и выдвинул предположение о его захоронении именно в нем. Леонид Алексеевич обладал большими знаниями по истории Пскова, почерпнутыми из письменных первоисточников, и, хотя вследствие политических репрессий его возможности для публикаций научных работ были для него ограничены запретами партийных чиновников, тем не менее, Л.А. Творогов щедро и великодушно делился с единомышленниками своими научными наблюдениями и исследованиями, оказывая им помощь в архивных поисках.

Независимо от цитированного текста Е.Н. Морозкиной, и даже не зная о его существовании, мы также пришли к этому выводу на основании документальных данных. И, хотя прямых указаний на место захоронения Ордина-Нащокина нет, но логика развития событий в его судьбе, и все имеющиеся исторические факты, дают основание для такого заключения. В ходе нашего исследования появилось две гипотезы. О каждой из них следует рассказать особо.

Придел Филиппа Митрополита московского

После смерти в 1680 г. знаменитого своего попечителя и настоятеля Николо-Любятов монастырь осиротел. Но, как и в середине столетия, обитель поддержали простые горожане, ее вкладчики и радетели. Еще при строителе Антонии монастырски-

ми приказчиками состояли псковичи посадские люди Лука Алексеев сын Остолопов и Иван Яковлев сын Котельник. В 1681 г. на их средства был составлен синодик Николо-Любятовского монастыря, в котором велелись поминальные записи до середины XVIII в. На листе 90 об. есть запись: «Род Нащокин старца Антония: Илариона оуби., Акилины, Парасковии, инока Антония схим., Пелагии»⁴⁷. Примечательно, что почивший старец Антоний назван здесь схимником, значит, вернувшись из Москвы в 1679 г., он, чувствуя приближение смерти, принял схиму - высший монашеский чин. Это обстоятельство тем более важно, поскольку отмечено именно в Любятовском синодике. (Подтверждение совершенной достоверности данного факта находится в синодиках Псково-Печерского монастыря и Троицкого собора, где инок Антоний Нащокин также поименован схимником)⁴⁸. Однако в помяннике Иоанно-Богословского Крыпецкого монастыря 1719 г., в стенах которого, по мнению большинства авторов, скончался, и был погребен старец Антоний, не указано его посхимленья. Во второй части Крыпецкого синодика на листе 47 об. записано так: «Род Околничего Афонася Нащокина: Афонасия во иноцех Антония»⁴⁹. Если бы Ордин-Нащокин посхимился в Крыпцах, то этот факт непременно должен был найти отражение в записях местного синодика и других документах. Между тем, к настоящему времени в существующей литературе о знаменитом боярине нигде нет документальных свидетельств его погребения в Крыпецком монастыре. Нет и археологических подтверждений.

Таким образом, старец Антоний Нащокин, из Москвы вернулся в свою Николо-Любятовскую обитель, а не в Крыпцы, как считалось ранее. При этом следует учитывать условия, в которых существовала монашеская жизнь на Псковской земле в XVII веке. Наиболее распространенной формой иноческого уклада тогда было «особножительство», с келлиотским типом монастырей. Строгий общежительный устав существовал лишь в некоторых крупных монастырях Мирожском, Псково-Печерском, Снетогорском, Елеазаровском, Крыпецком. Большинство же средних и малых обителей не имело общежи-

тельства. По общему правилу «келия устава не имать»: каждый инок, за вклад вступавший в монастырское братство, жил в обители на самообеспечении и был достаточно свободен в действиях, которые не относились к соборному богослужению. Как убедительно показал Н.И.Серебрянский, иноки могли переходить из одного монастыря в другой, если их что-либо не устраивало. При этом, меняя жительство, монахи забирали с собой вложенное имущество («кupu»), и могли уже никогда не возвращаться в ту обитель, где первоначально принимали постриг⁵⁰.

Поэтому трудно представить, чтобы такой деятельный и независимый человек, как Афанасий Лаврентьевич, мог безысходно оставаться в ограде удаленного от Пскова Крыпецкого монастыря, находившегося в глухих лесах и окруженного почти непроходимыми болотами. Тем более, маловероятно, чтобы, уйдя из Крыпец в Любятово, старец Антоний перед самой смертью вновь удалился в первоначальный монастырь, или, живя под Псковом, архив свой оставлял в Крыпцах. Разумеется, что его бумаги находились при нем все время, поскольку были всегда нужны. Тогда получается, что и царский дьяк, после смерти старца Антония, приезжал за его бумагами не в Крыпцы, а в Николо-Любятов монастырь.

Любопытная деталь может служить косвенным подтверждением существования личной келейной библиотеки Ордина-Нащокина в Никольской обители. В фонде Николо-Любятовского монастыря из собрания Древлехранилища Псковского музея-заповедника, кроме свитков второй половины XVII века есть несколько старопечатных книг. Из них самая ранняя и редкая – «Патерик Печерский», изданный в Киеве в типографии Лавры в 1661 году⁵¹. На листах 2-21 содержится «Житие преподобного и богоносного отца нашего Антония Первоначальника иноков Российских, наченших подвижитися в Пещерах», а далее, на л. 21 об.-41 помещена «Похвала преподобному и богоносному отцу Антонию Печерскому, Первоначальнику жития иноческаго в России». Книга имеет признаки многократного чтения: загрязнения, потертость листов, пометки и поправки на полях коричневыми чернилами скорописью

XVII-начала XVIII вв., а также подклейки разрывов полосками бумаги с фрагментами рукописных хозяйственных документов конца XVII в. Все это показывает частое употребление Патерика, вдумчивое его чтение и заботу о сохранности книги. Именных владельческих записей нет, но на первом пустом листе у верхней доски переплета скорописью отмечено: «1712-го месяца декабря в 11 день сия книга Патерик Любятова монастыря казенная, никому в ее не вступатца». Издания Киевской Лавры были достаточно редкими на Псковской земле в XVII веке, а библиотеки храмов пополнялись за счет изданий Московского Печатного двора. Поэтому возникает вопрос: как попала эта книга в Любятов монастырь? Однако если учесть что в обители в 70-е годы XVII в. проживал образованнейший книжник Ордин-Нащокин, то кому же, как не старцу Антонию мог принадлежать этот Патерик первого издания 1661 г. с подробнейшим житием его небесного покровителя, который являлся для него примером иноческого подвижничества. Если учитывать это обстоятельство становятся понятны некоторые особенности жизни Любятовской обители, которые имеют прообразы в исторических сюжетах Патерика и укладе Киево-Печерского монастыря. Именно в связи с текстом Патерика проясняются перемены в жизни Любятовской обители, происшедшие при настоятельстве строителя Антония Нащокина.

Прибыв из общежительного Крыпецкого монастыря в особножительную Любятовскую обитель, старец Антоний, по-видимому, ввел перемены уставного характера, взяв за основу Студийский устав Киево-Печерского монастыря. Внешним выражением этого стало строительство придельной церкви с братской трапезной, что говорит о переходе от келлиотского к общежитийному укладу.

Для старца Антония Патерик был настольной книгой. Изучая его, он находил в нем не только душеполезные поучения и примеры из житий святых, но и обретал необходимые советы для своей практической деятельности в качестве настоятеля обители. В книге есть главы, которые могли служить прямым руководством к действиям Антония Нащокина. Например, «Сказание о святой

церкви Печерской, Успения Пресвятыя Богородицы, как была она создана, украсилась, и освящена», ведь Ордин-Нащокин как раз занимался строительством Казанского храма и больницы в Пскове. Или подробные описания чудотворных Киевских пещер, в которых спасались, и были погребены древнерусские подвижники. Несомненно, что они повлияли на внутреннее устройство не только Псково-Печерского монастыря, но также и на возникновение пещерных захоронений в подцерковье Любятовского храма.

Важно установить, где именно может находиться могила Ордина-Нащокина в Любятовском монастыре. Вполне естественно, что личность такого выдающегося человека вызвала почтение всех окружающих его людей. Достигнув в миру самого высокого из возможных положения, будучи ближним боярином царя и дворецким, а также получив в управление Посольский приказ с титулом «царственныя большия печати и государственных великих посольских дел оберегателя», Афанасий Лаврентьевич внушал уважение и после пострига, будучи настоятелем монастыря. Поэтому он мог быть погребен только внутри церкви, как хоронили самых родовитых, достойных и благочестивых людей, угодивших своею жизнью Богу.

В настоящее время при осмотре храма Николы Чудотворца в Любятове видимых следов захоронения или надгробия Ордина-Нащокина обнаружить не удалось, так как церковь неоднократно перестраивалась. Тем не менее, если обратиться к опубликованным актам Любятовского монастыря, можно получить некоторые данные позволяющие уточнить примерное место погребения старца Антония внутри самой церкви. При этом в качестве усыпальницы в храме могли быть использованы два места, каждое из которых вполне возможно.

Сохранилось три документа свидетельствующих о хозяйственной деятельности старца Антония Нащокина занимавшегося обустройством Любятовского монастыря и строительством придельной трапезной церкви во имя святителя Филиппа Митрополита Московского и всея России Чудотворца.

Чтобы прояснить причину такого посвящения придельной церкви необходимо

несколько слов сказать о личности самого святителя, особое почитание которого сложилось в XVII веке. Святой Митрополит Филипп (в миру боярин Федор Степанович Кольчев, 1507-1569 гг.), удалившись от великокняжеского двора, принял постриг в Соловецком монастыре. Проявив особые организаторские качества, он был избран игуменом, и много сделал для процветания Соловецкой обители, заботясь о развитии ее хозяйства и строительстве храмов. В 1566 г. освященный Собор призвал игумена Филиппа стать во главе Русской Церкви. Посвящение в сан митрополита Московского произошло на втором году существования опричнины Ивана IV Васильевича. «Публичное осуждение митрополитом кровавых бесчинств опричников привело к непримиримому конфликту грозного царя со своим богомольцем. По приказу Ивана IV Филипп был позорно низложен в конце 1568 г. и заточен в Тверском Отроче монастыре. Там он вскоре погиб от рук опричного воеводы Малюты Скуратова»⁵², отказавшись благословить поход царя с опричным войском на Новгород. Сначала почитание Филиппа было местночтимым на Соловках, но с 1636 г. патриарх Иоасаф I внес службу святителю Филиппу в Минею, изданную в Москве, и с этих пор началось «официальное признание митрополита-мученика в качестве общерусского святого» и страдальца за «Христову правду»⁵³. В 1652 г. в Москве произошло торжество встречи мощей митрополита Филиппа, перенесенных из Соловецкого монастыря для погребения в столичном Успенском соборе. Пышной церемонией руководил митрополит Новгородский и Великолуцкий Никон, активно культивировавший память святителя Филиппа после своего поставления в патриархи 25 июля 1652 г. На празднике перенесения мощей 19 июля мог присутствовать А.Л.Ордин-Нащокин, вызванный в Москву для получения инструкции межевой комиссии, которую он должен был возглавить. Комиссия обсуждала со шведами спорные пограничные дела, и произвела обмен перебежчиков, завершив работу к ноябрю 1652 г.⁵⁴. Таким образом, празднование памяти Митрополита Филиппа могло оказать сильное впечатление на очевидца события Ордина-Нащокина, и повлиять на формиро-

вание у него особого чувства почитания святителя. Кроме того, позднее, когда Нащокин стал «великих посольских дел оберегателем» (с 15 июня 1667 года по 18 февраля 1671 года), его местопребыванием стало здание Посольского приказа в московском Кремле у соборной площади, где как раз рядом находился Успенский собор с гробницей святителя Филиппа, которую он мог навещать.

С середины XVII века молитвенная память святого Филиппа постепенно усиливается и в Пскове. Однако церковью в его честь еще не было. Первый замысел о поставлении храма в честь прославленного митрополита всероссийского принадлежал казначею Николо-Любятовского монастыря старцу Саввагию. В лето 7167/1659 г., июля в 11 день он бил челом царю Алексею Михайловичу о том, что «годового денежного жалованья дается в монастырь по осьми рублев, по осьми алтын, по две деньги на год, да хлебной корм; а на монастырское и на церковное строение ничего им не указано, и того монастыря строить им нечем; а вотчин-де крестьян за тем монастырем нет, и чтобы им, **для поставления в том монастыре церкви Филиппа Митрополита** дать в вотчину на церковное и на монастырское строение, и для пропитания братии в Псковском уезде Малопустынного монастыря вотчинныя пустоши, безоброчно; а тот Малопустынный монастырь разорен от литовских людей больше осьмидесяти лет, поросл лесом...»⁵⁵. Челобитная возымела действие, и 26 августа 1659 года была послана царская грамота в Великий Новгород к боярину и воеводе князю Григорию Семеновичу Куракину с повелением послать доброго дворянина для описи земель Никольского Малопустынского монастыря, что на реке Черехе, для передачи тех вотчин в Любятов монастырь «на церковное и на монастырское строение». В результате, в вотчину Любятовской обители поступило: «40 пустошей да 5 селищ имяны: пашни перелогом и лесом поросло сто сорок пять четей, сена тысяча восемь сот десятин копен, лесу пашенного и непашенного сто девяносто десятин с полудесятиною». Однако оброк за указанные угодья с обители снят не был, и выпись на владения не выдана. Поэтому в феврале 1677 г. строитель старец Антоний Нащокин бил челом о

выдаче Любятовскому монастырю выписи из отказных книг на приобретенные земли для законного владения. Прощение было удовлетворено, и с этих пор появилась реальная возможность заняться строительством новой церкви. В следующем 1678 году Любятовский настоятель Антоний просил в челобитной у государя Феодора Алексеевича о снятии оброка с Малопустыньских вотчин и о приписке двух пропущенных писцами пустошей Буякова и Антипова. В ответной грамоте от 19 июля 1678 г. повелевалось те пустоши «отвести в Николаевской Любятов монастырь к прежним пустошам и селищам, которые им даны во 167 (1659) году», но оброк предписывалось платить по-прежнему⁵⁶.

Важные наблюдения относительно времени построения Филипповского придела содержатся в статье священника Гавриила Лебедева. Он сообщает, что «придел мог быть построен никак не раньше 1677 г.», что видно из выписи с отказных книг, данной строителю Антонию Нащокину на земли Малопустыньского монастыря для «поставления церкви Филиппа Митрополита». А также потому, что «внутри теплой церкви, в стене к холодной, находится на плите надпись 1672 года» о погребении некоей Тагьяны Моисеевой дочери, положенной «на сем месте, в обители Николая Чудотворца, в Любятовском монастыре, по правую сторону церкви». Из чего отец Гавриил сделал вывод: «Если бы тогда существовала придельная церковь, то о ней упомянуть было бы кстати»⁵⁷. Таким образом, начало ее возведения можно отнести примерно к 1678-1680 гг.

Вышеизложенные факты дают основание предполагать, что старец Антоний, как устроитель нового придела, мог быть захоронен именно в нем, под каменным полом церкви. Когда было закончено строительство придела неизвестно, однако, в 1694 г. в официальной выписи со псковских переписных книг на вотчинные земли уже присутствует новое полное название обители: «Николы Чудотворца и Филипа Митрополита Любятов монастырь»⁵⁸.

Точно неизвестно какими идеями руководствовались любятовские настоятели Савватий и Антоний Нащокин в выборе посвящения придела. Скорее всего, это было

воплощение общерусской тенденции прославления Митрополита Филиппа в то время. Но она удачно совпала со стремлением монастыря выйти из экономического кризиса и получить государственную финансовую поддержку во имя местного прославления святителя Филиппа, (ведь это была первая церковь в его честь во Пскове). Строительство Филипповского придела теснее связало в народном сознании Любятовский храм с эпохой Ивана Грозного. Молитвенная память священномученика побуждала к идейно-нравственному осмыслению деяний Грозного Царя и его Святителя, обозначив трагедию разрыва симфонии Священства и Царства, (актуальную как для времен опричнины, так и для периода владычества патриарха Никона). Кроме того, сознательно или нет, но выбор этого посвящения усилил историческое значение Любятовского монастыря как святого места, повлиявшего на духовное просвещение царя Ивана Васильевича, останавливавшегося там на ночлег 18 февраля 1570 года накануне въезда в Псков с опричным войском. Согласно летописному известию, псковичам предстояла горестная участь, испытанная новгородцами от царского гнева в период карательной экспедиции из-за «Изборского изменного дела». Но в Любятове царь услышал утренний звон псковских церквей, и, «умилися душою и прииде в чувство, и повеле всем воем меча притупити о камень, и ни единому бы дерзнути еже во граде убийство сотворити»⁵⁹. Таким образом, смягчение ярости царя было связано с заступничеством чудотворной иконы Богородицы Умиление Любятовской, таинственно повлиявшей на судьбу опального Пскова, отвратив несправедливый гнев и опричную расправу. Эти чудесные предания были хорошо известны старцу Антонию Нащокину, и он стремился к их вящему прославлению, не жалея сил и средств для обустройства святой обители.

О том, как выглядел монастырь после смерти строителя Антония Ордина-Нащокина можно судить по «Ведомости о состоянии монастырского хозяйства за 1738 год, представленной в Коллегию Экономии». Приведем выдержку из этого описания, касающуюся строений на монастырском дворе. «1). Монастырь Любятовский в Заклинской

закаде в Полицкой губе на берегу Псковы реки, расстоянием от града Пскова в трех верстах. 2). В том монастыре каменных церквей одна, в ней престол во имя Николая Чюдотворца. На тое церкви на углу колоколня каменная четверугольная с полаткою. Под тою церковью два погреба. Да при оной Николаевской церкви приделана была напредь сего другая церковь с трапезою каменная во имя Филиппа Митрополита, которая за ветхостию в прошлом 726-м году разобрана. В том монастыре настоящие святые ворота каменные, другие деревянные, около того монастыря ограда деревянная. Настоятелских келей деревянных две кельи с сенми и с чуланом длиною на 10, шириною на 6 саженьях, две кельи деревянных брацких с сенми и с чуланом не в одном срубе, но в разных местах, мерою те кельи с сенми длиною на 14, шириною на 6 саженьях. Поварня и хлебная пекарня с сенми деревянная. Квасоварня деревянная. Погреб ради кладбы и лда и ставления харчеваго запаса, деревяной, анбар деревянной с двоим ручным неболшим жернам ради дела круп про монастырской росход. Житниц деревянных 8. Кузница деревянная. В том монастыре конюшей двор, в нем деревяного строения: келья с сенми да двои лошадиные стойла с сараем, в которых сараях кладется сено, един анбар ради кладбы сена ж; коровей двор, в нем деревянного строения: изба с сенми и со мшаником, скоцких хлевов 5, рей з гумном крытым, при том гумне анбар деревянной ради кладбы соломы и мякины. При том монастыре школ каменных и деревянных, також учителей и учеников и гофшпиталей не имеется. 3). В том монастыре против древняго установления надлежит быть настоятель игумен»⁶⁰. В то время черную монашескую братию обители представляли: игумен Пахомий (Добрыня), казначей иеромонах Исакий, и один житенный монах. Остальные насельники и трудники были бельцами. Среди них служители церкви: священник, диакон, дьячок, пономарь. Работники: два повара, хлебный, два конюха, три дружинника, сторож, кузнец, портной, плотник, «скотской пастух», коровница, просфирня. Да еще из приписного Сергиевского монастыря с Залужья иеромонах, дьячок, пономарь и сторож. Итого 26 человек составляли штат монастырских служителей⁶¹.

Как видим, через 58 лет после Нащокина все жилые и хозяйственные строения сохранились с его времени. Единственной серьезной утратой была разобранная в 1726 г. придельная церковь Филиппа Митрополита. Она пришла в ветхость уже спустя примерно 47 лет со времени построения. О том, что послужило причиной ее быстрого старения можно только догадываться. Вероятно, стены придела растрескались от неравномерной усадки фундаментов, заложенных на территории древнего кладбища. Кроме того, под алтарем Никольской церкви в подклетке издавна был «колодезь» на источнике⁶², грунтовые воды и сырость от которого могли размыть фундамент придела и привести к разрушениям. В результате, при разборе каменного придела могло быть утрачено надгробие инока Антония. О месте его захоронения монахи должны были помнить, для служения заупокойных молебнов и панихид. Но после упразднения обители в 1764 г. ее храм был обращен в приходскую церковь, которая неоднократно перестраивалась. В частности, в 1806-1807 годах на месте древней Филипповской церкви, усердием дворянок Софии и Анастасии Деденевых, возведен новый теплый Знаменский придел, также подвергавшийся переделкам в 1888 г. Затем в последний раз в 1907 г. придел был капитально перестроен с расширением по проекту епархиального архитектора В.Л.Назимова, и посвящен «в честь Владимирския Богоматери, чудотворный Образ коей пребывает в храме»⁶³. Пол южного придела был залит цементом и замощен плиткой, так что сведения о первоначальном строении церкви и древних захоронениях под полом могут дать лишь архитектурно-археологические исследования. При этом не исключено, что могут быть обнаружены следы могилы Ордина-Нащокина.

Пещерная усыпальница

Однако наиболее вероятно другая версия о том, что в качестве предполагаемого места захоронения старца Антония Ордина-Нащокина в Любятовском монастыре была использована «пещера» под притвором Никольского храма. Она находится в западной части подцерковья. Представляет собой не-

большое помещение, перекрытое цилиндрическим сводом с распалубками. Вдоль западной и северной стен палатки чуть выше уровня пола располагаются 12 ниш-склепов (8 по западной стене и 4 вдоль северной). Они имеют полукруглое сводчатое завершение, и углублены внутрь стены примерно на 2 м. для испомещения гроба. Каждая ниша закрыта гладкой известняковой плитой. Из 12 склепов все, кроме одного сохраняются неповрежденными. Только один из них, находящийся под северным окном, в XX веке был вскрыт, и осквернен. Закрывавшая нишу каменная известняковая плита, толщиной около 8 см., была разбита святотатцами. Отсутствие в нишах традиционных каменных надгробных плит с эпитафиями вызывает вопросы. Если они были утрачены, то это произошло давно, так как в статьях дореволюционных авторов, писавших о погосте Любятове, их тексты должны были вызвать интерес и привлечь внимание. Однако ни в статье священника Гавриила Лебедева (1887 г.), ни в очерке священника Федора Загорского (1900 г.) они не упомянуты. Хотя последний сообщает о захоронениях следующее: «Под притвором и колокольной находится до 17 склепов (? – А.П.), без всяких надписей о лицах, в них погребенных. Вход туда был через окно с западной стороны (? – А.П.), но, при устройстве асфальтового пола в холодной церкви в 1892 году, окно это потребовалось заделать; осталось только небольшое оконце на северной стороне для прохода туда воздуха и света»⁶⁴. Неточное число склепов-аркосолиумов повторяет вслед за отцом Федором И.И.Лагуниным, добавляя, что «под северной палаткой (здесь, вероятно, имеется в виду звонница – А.П.) находится большой аркосолий и девять пещеро-захоронений, заложенных мелким камнем»⁶⁵. Но это утверждение безосновательно.

Широкий сход в усыпальницу прежде существовал с южной стороны палатки, где ныне в стене виднеется большая ниша грибовидной формы. Лестницу пришлось заложить при устройстве новой колокольни, установленной на юго-западном углу церкви вместе с заново построенным приделом в начале XIX века. В древности, нижние помещения храма были какое-то время приспособлены для проведения богослужений, о чем свиде-

тельствуют ниши в восточной алтарной стене, соответствующие традиционным местам расположения жертвенника и дьяконника. Но из-за сырости, исходящей от грунтовых вод эта практика долго не продержалась. Подземный четверик с толстыми четырехгранными столпами был отделен от западной усыпальницы дверями. Он также мог использоваться как погреб или склад. Таким образом, наличие двух изолированных подземных помещений требовало обособленных спусков в подцерковье с северной стороны под звонницей – в четверик, и с южной стороны от придела – в «пещеру».

Устройство сводчатых склепов в основании палатки под папертью храма может относиться ко времени построения каменной церкви, то есть первой половине XVI века. Но подземный некрополь складывался постепенно, по мере заполнения гробниц, что видно из расположения четырех захоронений вдоль северной стены, которые могли появиться лишь после заполнения западной стены. При этом ориентировка покойных в северных склепах уже не соответствовала традиционному расположению ногами на восток. Впрочем, как раз именно в пещерных захоронениях, где погребения совершались в стенах извилистых подземных ходов, обычная ориентировка трупоположения запад-восток в точности уже не соблюдалась, что видно на примере Псково-Печерского монастыря, где пещеры имеют семь разнонаправленных галерей или «улиц»⁶⁶.

Документальное свидетельство о пещерном захоронении под Любятовской церковью относятся к 90-м годам XVII века. Оно связано с упоминанием о погребении конкретного лица, завещавшего положить свое тело в церковном склепе. Так, в синодике Николо-Любятова монастыря 1681 г. на обороте 1-го листа полууставом конца XVII в. сделана памятная запись, датируемая 1694 годом. «В лета 7202 мая в 8 день после вечерни преставися монах Леонтий Остолопов. Положен в сей Любятовской обители под крыльцом в пещеры. А проводили в 10-м числе, а на погребении было игуменов..., а священников числом монахов и белых... И всех в той обители в трапезы кормили неоскудно, а за монастырем у сына его Ивана было людей мно-

го после проводов. А корм и питание было все свое. А монастырского питания отчасти, а тело несли из города с Крыпецкого подворья на Любятово по его приказу. А во иноцех был в той обители 8 лет»⁶⁷. Посадский человек Лука Алексеев сын Остолопов во иночестве Леонтий был приказчиком Любятова монастыря еще при строителе Антонии Нащокине, являясь его сотрудником и духовным последователем. В первой половине 1680-х годов приказчик Л.А. Остолопов успешно управлялся с монастырским хозяйством, а в 1685/1686 г. принял монашеский постриг под именем Леонтия и продолжил руководство обителью в чине строителя. По распоряжению Остолопова был написан Никольский синодик. Примечательно, что согласно последней воле инока Леонтия, его тело несли в Любятово с Крыпецкого подворья. Может быть, таким образом, Леонтий хотел символически повторить путь старца Антония, пришедшего из Крыпец в Любятовский монастырь, где он нашел свой последний приют и упокоение. Погребальное шествие из города от церкви святого Пантелеймона на Красном дворе при Крыпецком подворье в сопровождении игуменов, попов, иеромонахов и бельцов, двигалось в Любятово с пением трисвятой надгробной песни «Святыи Боже...». После того, как была отслужена панихида в Никольском храме, гроб проводили в пещеру, и, поставив в склепе, замуrowали. Очевидно, что погребение старца Антония Нащокина совершалось еще более торжественно, так как на нем должен был присутствовать архиепископ Арсений со свитой.

Обычай пещерного захоронения в Любятовской обители, возник под влиянием Киево-Печерского и Псково-Печерского монастырей. В Киевском Патерике подробно описаны многочисленные примеры подвижнической жизни святых отцов спасавшихся и погребенных в пещерах. Подобная практика существовала и в Успенском Псково-Печерском монастыре. По наблюдениям Н.И.Серебрянского, в псковском «обществе развился взгляд об особой спасительности быть погребенным в монастырской пещере». Согласно древней Печерской рукописи, «Аще кто и велик грех имать, а сподобится положен быти во обители Пречистыя Богоро-

дицы в сей Богом зданной пещере, не токмо смрадения избудет, но и грехов прощение получит»⁶⁸. Почитание Псково-Печерских святынь влекло в монастырь многочисленных вкладчиков и жертвователей, которые стремились быть похороненными в пещерах. Подземные «улицы» постепенно увеличивались и распространялись для положения в стенах пещер «произволящих от властей и от нарочитых людей». Усыпальница же в подцерковье Николы Любятовского не могла беспредельно развиваться из-за ограниченности пространства, и, видимо использовалась только для погребения монастырских властей и наиболее значительных людей.

Тем не менее, даже обычное захоронение на монастырском бую считалось достаточно желанным для мирян. К концу XVII века Любятовская обитель уже славилась во Пскове. Монастырь все более богател, приобретая новую недвижимость и принимая различные вклады от горожан. Так, в 1697 г. посадский человек Иван Андреянов отдал в Любятовский монастырь половину своей лавки «за вклад за десять рублей» с условием, чтобы игумен и монастырская братия выдали ему «вкладную за руками за те денги». В поступной записи он предоставил право получить монастырю и другую половину лавки после своей смерти, если только монастырь на свой счет похоронит его, и будет поминать. «А если меня, Ивана, в животе не станет, и тело мое положено будет в том Николаевском монастыре. ... А после моего живота, имя мое написать в синодик и поминать с создатели». Но если это условие не будет выполнено монастырем, то вторая половина лавки должна перейти в собственность того, – как выражается вкладчик, – «кто меня погребет и помянет». Однако родственники все равно обязаны будут отдать ту часть лавки «по цене настоящей в тот же монастырь за деньги»⁶⁹.

Любопытно, что в Любятовском синодике на листе 90, где на обороте записан род старца Антония Нащокина, перечислены вкладчики обители и ее трудники, среди которых назван Фома-гробник⁷⁰. Профессиональное прозвище Фомы говорит о его работах в конце XVII века по изготовлению гробов, в том числе на нужды монастыря. Не

исключено, что гробник мог сочетать плотницкое ремесло с замуровыванием пещерных склепов и рытьем могил на погосте, подобно тому, как это делал преподобный отец Марк пещерник Киевский⁷¹.

Древний монастырский некрополь в Любятове нуждается в специальном историко-археологическом исследовании. Антропологическое изучение пещерных захоронений может дать интересные результаты для атрибутирования останков старца Антония. Оно должно проводиться крайне деликатно и без ущерба для мемориально-исторического некрополя. Поэтому о хронологических рамках бытования «пещеры» говорить пока преждевременно.

Память о настоятеле Любятовского монастыря старце Антонии и о месте его погребения сохранялась до тех пор, пока существовала Никольская обитель. Как поется на погребении иноков в древнем тексте Обиходника (глас 6): «Духовенная моя братия и спостницы, не забудьте мене егда молитесь, но видевши мои гробо поминайте мою любовь и молитесь Христу, да учинит дух мой со праведными»⁷². Но после упразднения монастыря в 1764 году живые носители памяти ушли и традиции надгробного поминовения пресеклись. (Чего нельзя сказать, если бы Нащокин умер в Крыпецкой обители, продолжавшей существовать и после принятия духовных штатов). Монастырский синодик XVII века с прекращением иноческой жизни вышел из употребления. Его последние записи относятся, примерно, к 1760-м годам и называют людей связанных с обителью. Приходские священники уже не поминали души записанные в синодике, используя новые помянники, сформировавшиеся на приходе. Пещерные захоронения, не имевшие керамид с надписями, или утратившие их, перестали быть узнаваемыми и атрибутируемыми. Раньше они могли иметь надгробные иконы с образами святых тезоименитых погребенным. Однако никаких следов от памятных знаков не сохранилось. Не прошло и ста лет со смерти Ордина-Нащокина, как место его упокоения было предано забвению.

Итак, все имеющиеся сведения указывают на то, что по всей вероятности, прах старца Антония покоится в Николо-Любятовском

монастыре. Ведь именно там он провел последние годы жизни, пять лет управляя обителью в чине строителя. Там же по возвращении из Москвы он принял схиму, и как настоятель монастыря, так много сделавший для него, должен был упокоиться.

Новая Казанская церковь и больница строения А. Л. Ордина-Нащокина

Афанасию Лаврентьевичу не досталось большого имени и денежных средств по наследству, его предки не были особенно богаты, но своими трудами он заслужил значительность и приличный званию достаток. Царь пожаловал своему боярину «за его к великому Государю и всему московскому государству многую службу и радение», в вечное и потомственное владение богатую Порецкую волость в Смоленской земле, с пристанью на реке Каспле, откуда через реку Двину вывозились русские товары к рижскому порту. Кроме того, Нащокину придавалось 500 дворов в Костромском уезде и 500 рублей ежегодного денежного жалованья в дополнение к чину боярина⁷³. В 1667/68 году «для объявления блаженные памяти царевича Алексея Алексевича» было добавлено к его окладу еще 100 рублей⁷⁴. Таким образом, уйдя в отставку, он обладал достаточными средствами для осуществления своей мечты о воздвижении церкви и организации благотворительного богоугодного заведения. Монах-боярин щедро расходовал средства своих вотчин на построение заветного храма и больницы. По словам А.Ф.Малиновского, «оживляя веру делами милосердия, он обратил доход с жалованной ему Порецкой волости на устройство во Пскове больницы, приставил к присмотру за болящими сердобольных монахов и часто сам навещал богоугодное свое заведение»⁷⁵.

Учреждение и строительство церкви с богадельней относится к 1675 году. О времени их появления известно из собственноручной записки старца Антония Нащокина, где радостно возвещается: «О неизреченному человеколюбию Божию! За столько лет прообразовано нынешнее збытие: 184 (1675/76) году церковь з больницею во Пскове по бывшему проречению зачата и устроилась»⁷⁶.

В Пятенной сотне за Петровскими воротами Среднего города был питейный дом, который выкупил у казны Ордин-Нащокин для устройства Новой богадельни. Осенью 1675 г. старец Антоний распорядился «собрать убогих старцев и стариц с улиц на Запсковье у Козьмы и Домьяна» в новопостроенную больницу, «что прежнее было кабак». 4 ноября староста нового богоугодного заведения Мишка Лукьянов с братею бил челом в Псковскую съезжую избу о выдаче им, согласно царской грамоты от 20 июня 1668 г., как в прошлые годы жалованья «из Рыбных таможи из новооткупной прибыльной пошрины» на год⁷⁷. Спустя месяц, 4 декабря 1675 (1675) года боярин и псковский воевода князь Иван Андреевич Хилков «челобитья и выписки слушав, велел новые богадельни старцам дать» жалованье⁷⁸.

Название «Новая» утвердилось за Казанской богадельней, поскольку в Пскове на протяжении длительного времени уже существовала старая Государева больница Живоносного Источника у Рыбницких ворот, основанная по решению «Стоглавого» собора 1551 г. Это было первое казенное благотворительное учреждение в Пскове. С 1670-х годов за «старой» и «новой» богадельнями официально закрепились эти наименования⁷⁹.

Примечательно, что именно с возведения А.Л.Ординым-Нащокиным Казанской церкви, в Пскове начинается новый, завершающий древнюю эпоху подъем храмоздательной деятельности, приходящийся на последнюю четверть XVII в.⁸⁰

Проведенная в 1678 г., перепись Пскова уже фиксирует действовавший храм и больницу: «Церковь Пресвятыя Богородицы Казанские, а подле тое церкви болницы мужския и женския строения старца Антония Ордина-Нашекина, а в тех болницах живут дьячки: посадскаго человека сын Игнашко Петров, да понамар пришлой с Новгородскаго уезду попов сын Ивашко Семенов дватцати пяти лет, а место под тем болницам тое ж церкви, да у тое ж церкви дьячек Тараска Карпов посацкаго человека сын»⁸¹. За пределами больницы своими дворами жили священно и церковнослужители. В Мокролужской сотне казанский поп Демид Иванов⁸², а в Кстовской – «Новой богоделни дьякон Иван Емельянов» и дьячки Минка Семенов да Тимошка Семенов⁸³. Там

же, в Пятенной сотне Окольного города, близости от Казанской церкви стоял «Двор приезжей Николы Любятова монастыря для приезду строителя з братею, а на дворе живут того ж монастыря бобылки Емелка Тимофеев у него сын Стенка осми лет, Федка году, да другой бобыл Евдокимка Федоров»⁸⁴. Вероятнее всего, это Любятовское подворье возникло специально для надзора за строительными работами по возведению церкви и богадельни, а также для постоя при посещении города строителем старцем Антонием. При основании своего благотворительного учреждения, Ордин-Нащокин сразу добился признания его казенного статуса, что было необходимо для дальнейшего существования большого количества просящих старцев и стариц после смерти попечителя.

В пользу Казанского храма и устроенной при нем «обители милосердия» Афанасий Лаврентьевич пожертвовал значительную часть своих псковских вотчин и оброчных угодий.

Благодаря публикации К.Г.Евлентьева сохранился текст государевой грамоты от 20 июня 1678 г. о сохранении за больницей оброчных рыбных ловель, полученных просящими старцами от Ордина-Нащокина. Приведем выдержку из ее текста: «От Царя и Великого Князя Федора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержца в нашу отчину во Псков боярину нашему и воеводам князю Володимеру Дмитриевичю Долгорукову с товарищи. Били челом нам Великому Государю изо Пскова новые болницы нищые староста Мишка Горбун с товарищи, **сто пять десят человек**. По указу отца нашего государева блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержца, построена церковь во имя Пресвятыя Богородицы Казанские для нашего Государскаго богомоления и помяновения наших Государских родителей и им, нищим, на прибежище болница, а на пропитание дано было во Пскове оброчные рыбные ловли бесперекупки на оброк; а прежде теми рыбными оброчными ловлями владели всяких чинов люди и, - которые были за боярином, за Офонасьем Лаврентьевичем Ординым-Нащокиным на оброке, во Псков-

ском обозерие...». Далее идет подробное перечисление разных рек и озер в засадах и губах Псковского уезда. А поскольку, «ныне по нашему Великого Государя указу прислан во Псков писец, Лев Вельяминов, для межевания и описывать земель и всяких угодий и рыбных ловель, и те де рыбные ловли от той церкви и у них отнимают всяких чинов люди и пишут в писцовыя книги. И нам Великому Государю пожаловати б их велети теми рыбными оброчными ловлями к той церкви, и им нищим (владеть – А.П.) вечно, бесперекупки, чтоб той церкви беспения не быть, и им врознь не розбрестись, и о том во Псков дать нашу Великого Государя грамоту с прочетом»⁸⁵.

Для расширения территории церковного двора и обустройства новой больницы монах Антоний Ордин-Нащокин купил дворовое тяглое место в ограде Казанской церкви, прежде принадлежавшее Воскресенскому попу из Домантовы стены Микуле Иванову. Грамота на владение была дана старосте просящих старцев⁸⁶.

О том, как выглядели храм и больница можно составить примерное представление на основании изображений сохранившихся на иконах с видом Пскова XVII-XVIII вв. Судя по рисунку на образе «Видение старца Дорофея» из Торговых рядов, Казанская церковь находилась на Полонище, рядом с четырехгранной надвратной Петровской башней Среднего города, по левую сторону Петровской улицы, если идти из центра в направлении к Петровскому посаду. Над изображением церкви на иконе читается слово «Болница», написанное черной краской. Храм располагался у дороги и был вытянут вдоль нее. При этом апсида получалась обращенной на юго-восток. Церковь была каменной, одноглавой, возможно, бесстолпной, перекрытой сомкнутыми сводами, с глухим барабаном, как и целый ряд других, строившихся и капитально перестраивавшихся в Пскове в XVII в. (Николы от Торга, Покрова от Торга, Козмы и Дамиана с Гремячей Горы, Новое Вознесение). Вход в нее имелся с крыльца, устроенного на южном фасаде, со стороны улицы.

Несколько иной вид церкви показан на иконе «Сретение Богородицы» из часовни Владычного Креста 1784 г. В настоящее

время икона хранится в Поганкиных палатах в музее, и имеет фрагментарные утраты красочного слоя, как раз у изображения Казанской церкви. Однако существует акварельный рисунок - копия с иконы, - выполненный И.Ф.Годовиковым в середине XIX в., когда образ был в лучшей сохранности⁸⁷. Эта прорисовка в какой-то мере условна, поскольку икона не изображает объекты с буквальной точностью. На ней храм представлен повернутым западным фасадом к улице, двухчастным, с двумя куполами: над центральным объемом четверика, и над пониженным помещением, напоминающим придел.

Разобраться в достоверности облика Казанской больничной церкви помогает план Пскова 1740 г. На нем строение Ордина-Нащокина представлено в виде «глаголя». Причем, основной, квадратный в плане объем занимала больница, с мужским и женским отделениями, а с юго-восточной стороны к больнице примыкала Казанская церковь, имевшая одну большую полукруглую апсиду. Таким образом, больничные корпуса и храм были соединены внутренним переходом. Со стороны Петровской улицы был лишь вход в церковь, а со двора вход в богадельню. Каменный храм соединялся единым фундаментом с деревянным срубом богадельничного строения. Под храмом и богадельней имелись сводчатые погреба, занимавшие все подцерковье и подклет. На дворе должны были находиться хозяйственно-бытовые помещения: поварня, амбар, дровяной сарай, баня, колодец, отхожее место. Двор охватывал пространство от крепостной стены на западе до Казанской улицы на востоке, и от Петровской улицы с юга до смежного дворовладения на северной стороне.

Строитель старец Антоний Нащокин позаботился о благолепии Казанского храма и в качестве храмового образа заказал список с иконы, находившейся с ним во Львовском посольстве в 1663 г. Подлинный образ Казанской Богородицы к тому времени прославился чудотворениями и был установлен в киоте над гробом Царицы Марьи Ильиничны в Вознесенском монастыре Московского Кремля⁸⁸.

По свидетельству самого Ордина-Нащокина, в больничной церкви ежедневно

совершались богослужения с чтением канона Пресвятой Богородице Казанской. Причем, в священнической ектенье читались слова молитвы, составленной самим Афанасием Лаврентьевичем: «Еще молим и просим милостиваго Господа Бога нашего о умирении православнаго христианства, о еже избавитися им от разлития крови, междоусобныя брани и от насилия агарянскаго, и свой праведный гнев отвратити своею благостию от христиан, и избавить от страшнаго пленения бусурманскаго, и дати разум соединения всем христианом, и помиловати нас милосердием своим». Этот стих для «молебного украшения» был «роспет», то есть положен на крюковые ноты знаменного распева гласа 8. Подобен. «Егда славнии ученицы...»⁸⁹.

Пример благотворительной деятельности А.Л.Ордина-Нащокина воодушевлял его последователей продолжавших дела милосердия в Пскове. Так, в Любятковском монастыре в первом десятилетии XVIII века настоятельством игумен Евфимий (Иванов). Неожиданно увеличившиеся финансовые возможности обители связанные с присоединением вотчин Николо-Песочкой обители, позволили настоятелю совершать благотворительные деяния, столь необходимые в годы Северной войны. По примеру знаменитого любятковского строителя старца Антония Нащокина – игумен Евфимий устроил в Окологородье богадельню для приюта покалеченных солдат и городских нищих. Перепись 1709 г. подробно сообщает об этом: в Выползовой слободе «Богадельня Любятковского монастыря игумена Евфимия Иванова, в ней просящих старцев исо всяких чинов... (- 9 человек – А. П.)». Старостой был отставной солдат Емельян Ульянов, а дьячком Иван Аникитин⁹⁰.

Судьба благотворительных учреждений Ордина-Нащокина после его смерти. (В конце XVII века)

Опубликованные К.Г.Евлентьевым документы проливают свет на дальнейшую судьбу Казанской церкви и больницы после смерти А.Л.Ордина-Нащокина, в конце XVII века. Так, грамота 1685 г., сообщает новые

подробности об истории приобретения дворового места в ограде Казанского храма. Из нее следует, что в 1670-х годах посадский человек Онашка Костянтинов сын Манухин задолжал 23 рубля другому посадскому человеку Борису Нахоткину и, чтобы их возместить, заложил свой двор Воскресенскому попу из Домонтовой стены Микуле Иванову, написав на тот двор «закладную кабалу и поступную крепость». Однако Манухин так и не рассчитался с Нахоткиным когда пришел срок расплаты. В то же время он не «очистил» своего двора от проживания, поскольку продолжал жить на том дворе вместе с попом Микулой, позволившим остаться Онашке, как прежнему хозяину. Позднее двор попа Микулы сгорел. Случилось это, вероятно, 11 мая 1676 г. когда произошел пожар на Полонище, при котором погорели торговые ряды и близстоящая церковь Покрова от Торга⁹¹. «И после де пожару того двора дворовое место тот поп Микула продал под церковное строение Казанские Богородицы старцу Антонию Ордину-Нащокину и купчая на то место была и та купчая сгорела...» уже в псковский большой пожар 1682 г.⁹². От огня пострадал и новопостроенный Ординым-Нащокиным храм. «А в записной явочной книге по челобитью болнишных старцов прошлого 190-го (1682) году написано: Волею Божиею церковь Казанские Богородицы и болница, что было строения, и писменные крепости на рыбные ловли и на болнишные места и платежные отписи все погорело...». Пользуясь случаем, посадский человек Борис Нахоткин возобновил свои притязания на бывший двор Онашки Манухина и подал исковое заявление в суд. В связи с этим, просящие старцы обратились с челобитием в Приказную избу о выдаче им данной на владение дворовым местом взамен утраченной купчей крепости. И по их просьбе, по указу Великих Государей и по приказу воеводы Б.П.Шереметева, велено: «тому дворовому тяглу месту быть по прежнему за церковь Казанские Богородицы и новые болницы за просящими старцы, а посацкому человеку Борису Нахоткину в том дворовом месте против его челобитья отказать, потому что то дворовое тягло место купил старец Антоний Ордин-Нащокин у попа у Микулы Иванова и купчая у того стар-

ца Антония была...». По результату судного дела, в 1685 г. старосте просящих старцев Федьке Иванову с братиею «мужеского и женского полу ста человек» дана была данная «на то дворовое тяглое купленное место» впредь для спору и владенья⁹³. Как видим, погоревший храм и больница вскоре были восстановлены, чему способствовали существовавшие условия государственной поддержки благотворительного заведения, ставшего казенным, и многочисленность нищей братии, способной принимать участие в строительных работах. Кроме того, следует отметить, что после смерти А.Л.Ордина-Нащокина оставались его ближайшие наследники: сын Воин и невестка Парасковия Борисовна. Они, как душеприказчики, продолжали оказывать попечительство семейному благотворительному учреждению по чувству благочестивого нравственного долга памяти своих родителей.

В 1688 г. по челобитью Якушки Маркова старосты «Новые болницы» нищих «мужеска полу и женска обоих половин», был продлен еще на 10 лет срок оброчного пользования рыбными ловлями, которые прежде были на оброке за Ординым-Нащокиным, а в 1678 г. переданы им в пользование богадельне. Ловли находились «во Псковском озере в Завелицкой засаде в Николской Устенской губе по реке Вороне исад Ластовицы против николской деревни Большой Ластовицы да губа по николскую воду по рай, да в той же Николской губе на устье реке Листовицы исад, да в той же Николской губе в Вороне реке и в Струге озерке и в Беззаконном озере и в Мелетовской реке, да в Спаской Колпинской губе в реке в Лютой з губами и з берегами, и Клавшинская копанка, и Сестрин ручей над Чистовскою речкою по Печерскую воду»⁹⁴. 11 июля 1690 г. по грамоте царей Ивана и Петра Алексеевичей боярину и воеводе Михаилу Васильевичу Собакину велено было для «государского многолетнего здравия» и ради рождения «чад Наших - великого государя благоверного царевича и великого князя Алексея Петровича» и царевны Феодосии Иоанновны, - отдать все вышеписанные рыбные ловли в оброк без перекупки на вечные времена для пропитания псковских нищих Новых больниц и на ругу священникам⁹⁵.

В 1849 г. в «Псковских Губернских ведомостях» священником Н.Ф.Милевским был опубликован весьма ценный документ, относящийся к 1699 году, и озаглавленный издателем так: «О выдаче данной церкви Пресвятой Богородицы Казанской строителю Якову Хромому на речку Каменку и рыбные ловли». За непримечательным названием древней грамоты скрываются интереснейшие сведения о вотчинном землевладении на Псковской земле А.Л.Ордина-Нащокина и его наследников, а также уникальные данные для семейной генеалогии «государственных великих посольских дел оберегателя». Подлинный документ позднее был утерян, а его публикация осталась неизвестной для биографов выдающегося дипломата. Свиток сообщает о том, что «в прошлом в 203-м (1695) году боярыня вдова Парасковья Борисовна стольника Воиновская жена Ордина Нащокина истого своего прожиточного поместья в Псковском уезде в Завелицкой засаде в Каменской губе деревня Селище Василево на речке на Камне с пашнею и санными покосы и со всеми угодьи поступилась из Пскова к Пресвяты Богородицы Казанские из больниц строителю Якову Хромому з братиею и тоя церкви причетником»⁹⁶. В грамоте подробно изложена история этих вотчинных земель, пожертвованных невесткой боярина в пользу больницы. Оказывается, пустошь Селище «на речке на Камне», с давних пор принадлежала двум псковским церквям: Николы Чудотворца и Варвары великомученицы со Усохи, которые владели ею в 1585-87 гг., согласно оброчной книге. Тогда же им была дана льгота до 1 сентября 1601 г.⁹⁷. Неподалеку, в той же Каменской губе, находились поместные земли дворянина Якова Петрова сына Скрябина с деревней Ивашково-Крутое, пустошью Ортемово Малое, Лазаговка⁹⁸. Вероятно, позднее, на рубеже XVI-XVII веков Яков Скрябин приобрел во владение новую деревню Селище, или часть ее земель. Об этом свидетельствуют писцовые книги письма и меры Ивана Вельяминова 1624-1627 гг., где сообщается: «за Андреем Яковлевым сыном Скрябиным отца его поместья Селище Василево на реке на Камне пашни пахатные добрые земли пять четвертей, да перелогом и лесом поросло восминадцать четвертей с по-

лосминою в поле, а в дву потому ж, сена пятнадцать копен»⁹⁹. В то же время, церковь Николы со Усохи продолжала владеть деревней Селище в Каменской губе, и в сентябре 1638 г. церковный староста получил выпись из писцовых книг на вотчинные угодья, где упоминается эта деревня¹⁰⁰. Выяснить топографическую разницу между Селищем, принадлежавшим церкви и Селищем Васильевым, являвшимся поместьем Скрыбиных, помогает сохранившийся в РГАДА рисованный рукописный план, составленный около 1676 г. писцом Львом Мироновичем Вельяминовым с использованием материалов писцовой книги Ивана Вельяминова 20-х годов XVII в¹⁰¹. На чертеже видно, что это были смежные земли на левом берегу реки Каменки, где до сих пор существует деревня с названием Селище. Описываемые земли располагались промеж «Изборской зимней дороги» и «Большой дороги ото Пскова к Печерскому монастырю мимо новопостроенного монастыря в сельце Логозовичах». Между землевладениями, как показано на плане проходила межа, проведенная от установленного столба. «И от того столба яма, в ней три камня».

В середине 1630-х годов молодой опочекский дворянин А.Л.Ордин-Нащокин переехал на жительство в Псков, где женился на дочери новгородского помещика, а псковского стрелецкого головы Василия Ефимьева сына Колобова¹⁰². За службу Афанасий Лаврентьевич получил в поместное землевладение деревню Селище, которая до конца XVII века стала родовым гнездом семьи Ординых-Нащокиных. Как сообщается в свитке 1699 года: «А во 145-м (1636) году октября в 20-й день, а где ево поместье Скрыбина деревня Селище Васильево на реке на Камне пашни двадцать три четверти с польосминою в поле, а в дву потому ж, дано боярину Афонасью Лаврентьевичу Ордину-Нащокину в поместье со всеми угодьями...»¹⁰³. Ровно 37 лет спустя, когда инок Антоний Нащокин уже жил в Крыпецком монастыре, произошла официальная передача поместья по наследству: «И во 182-м (1673) году октября в 20-й день боярина Афонасья Лаврентьевича Ордина Нащокина деревня Селище Васильев на речке на Камне с пашнею и со всеми

угодья справлено за сыном ево, за стольником, за Воином Афонасьевичем Ординым-Нащокиным...»¹⁰⁴. Когда же сын Воин умер бездетным, его землевладение перешло к жене. «А во 199-м (1691) году то стольника Воина Афонасьевича Ордина-Нащокина дано жене его, вдове Парасковье Борисовне на прожиток...»¹⁰⁵. Одинокая вдова жила скромно и благочестиво. Она продолжала традицию благотворительной деятельности своего свёкра и большую часть псковских угодий передала в дар Казанской церкви и Новой больнице в 1695 и 1697 годах. По царской грамоте, в ответ на челобитные строителя больничных нищих Якова Хромого, за Казанской церковью и богадельней были закреплены пожалованные Парасковей Борисовной вотчины. «В прошлых годех дано к той церкви им деревня, что было усадище (т. е. усадьба с господским домом и всем хозяйством – А.П.) боярина Афонасья Лаврентьевича Ордина-Нащокина Селище и со крестьяны на речке на Каменке во Псковском уезде в Завелицкой засаде в Каменской губе». Кроме того, против деревни Селища передана «вода и рыбная ловля» в реке Каменке «в полжерла», как владели прежние помещики по писцовым книгам¹⁰⁶. В добавок к этому, по указу Государя и по грамоте, 17 июля 1698 г. «дано и отказано церкви Богородицы Казанския в вотчину выменныя вотчины боярыни, вдовы Парасковьи Борисовны, столника Воиновския жены Ордина Нащокина, в Завелицкой засаде, в Каменской губе пустошь Василево, Тележниково тож, да в Вышегородском уезде, в Гривской губе, пустошь Ульянцово, Ханшино тож, с четвертною пашнею (17 чети в поле, а в дву по тому ж – А.П.); да в нынешнем в 207-м (декабрь 1698-го) году дано ж и отказано к тем же вышепомянутым пустошам прописного сенного покосу (10 копен – А.П.) и десятинного лесу (пашенного – десятина, непашенного – две десятины)»¹⁰⁷.

Таким образом, через вклады и дарения от Ординых-Нащокиных Казанская больница приобрела все основные свои владения, служившие источником доходов, необходимых для содержания богаделенных жителей на сто лет вперед.

Казанская церковь и больница в XVIII веке

В начале XVIII века в годы Северной войны число больничных старцев и стариц - вдов значительно возросло. Обездоленные, одинокие люди, раненые солдаты-инвалиды, нищие остро нуждались в приюте и заботе. Переписная книга 1709 г. называет 34 человека живших в мужской половине Казанской богадельни. Среди них 3 отставных солдата, 2 солдатских сына, 5 посадских человек, 4 слуг и бобылей Снятогорского монастыря, 8 крестьян Печерского монастыря, 3 дворцовых бобыля, 4 крестьянина разных окологородных церквей и монастырей, 2 дворянских послуживца, 1 сын отставного казака и 2 копорянина¹⁰⁸. Примечательно, что среди богаделенных старцев-копорян указан Федор Иванов – «послуживец Ардиных Нащокиных», который в 1685 г. был старостой Казанской больницы (см. таблицу). Не меньшее число жительниц должно было находиться в «тое ж больницы женской половине», что в совокупности позволяет представить общее количество больничных старцев и стариц состоявшее примерно из 70 человек.

В 1710 г. во Пскове произошла катастрофическая эпидемия чумы, унесшая тысячи жизней. Поэтому состав больничных жителей значительно сократился и обновился. Последовавшая сразу после мора перепись 1711 г. не разделяет жителей новой больницы по «розным чинам», но представляет как мужскую, так и женскую половины больницы, где помещались соответственно 14 старцев и 21 старица. Отдельно от них проживали своими дворами Филипп Иванов - священник Казанской церкви, пономарь Антип Стефанов, 3 хлебопросящих старца и староста новой больницы Яков Хромой¹⁰⁹. Как следует из донесения в Синод епископа Псковского Рафаила Заборовского, поданного 8 января 1730 г., раньше до мора 1710 г. «в Казанские церкви было священников два, а ныне один»¹¹⁰. Но другими источниками это свидетельство о служении двух попов не подтверждается.

Духовенство получало жалованье от церковных доходов. Так, сорокалетнему попу Филиппу Иванову «руги даетца ис той церковной казны дватцать рублей на год», а

тридцатилетнему пономарю Антипу – пять рублей¹¹¹. Богаделенное общество «кормилось ходя по миру Христовым Именем и мирским подаянием». При богадельне состоял казначей Андрей Иванов семидесятилетний старец, избранный из числа жителей. В его обязанности входил учет денежных средств, собранных просящими старцами и старицами у благотворителей и милостивцев. Все пожертвованные деньги и хлеб шли в общий «кошт», на братскую трапезу, и затем перераспределялись поровну, или по заведенному правилу. Поступавшие от подаяний средства шли на приобретение пищи, одежды для нищей братии, и дров для отопления помещений.

Однако главным источником дохода для благотворительного учреждения были по-прежнему вотчинные угодья и рыбные ловли, пожалованные Ордыными-Нащокиными. Согласно «Книге настольной» Псковской Провинциальной Канцелярии за 1733 г., в которой велись записи приема неокладных доходов, оброчных денег, канцелярских сборов и различных пошлин, больница располагала хорошими местами для рыболовства, и нанимала рабочую силу для лова. Нужды просящих старцев в пропитании вполне удовлетворяли рыбаки, поставлявшие различные сорта рыбы к больничному столу. По «доношению Казанские Богоделни старосты Филипа Вовилина» от 16 мая «о приеме у него с рыбных ловель на сей 733-й год оброчных денег пяти рублей сорока трех копеек трех четвертей»¹¹², можно судить о значительности объемов улова, который вряд ли расходовался лишь про столовый обиход больничных старцев, но, скорее всего, излишки рыбы продавались на псковском рынке.

В середине XVIII в. для поступления необходимых средств на содержание богоугодного заведения староста Казанской больницы Иван Андреев отдавал в аренду шесть дворовых мест, с которых ежегодно в церковную казну собирался оброк в 2 рубля. Но из этих денег взимался налог, равный четвертой доле дохода¹¹³.

Для хлебного пропитания нищих на церковных землях трудились богадельничские крестьяне. По данным 1756 г. «церковь Казанская на Петровской улице владела 93 душами мужского пола, то есть среди других

благотворительных учреждений города это была самая многолюдная вотчина. Например, у Старой богадельни Живоносного Источника от Рыбницких ворот было всего 29 душ¹¹⁴. Ко времени секуляризации церковных вотчин при Екатерине II в 1765 г. Казанская больница владела 32 крестьянскими душами мужского пола, которые проживали на церковных землях. За них уплачивался в Коллегию Экономии подушный сбор по 80 копеек с души: «Завелицкой засады Каменской губы з дватцати трех; Пруцкой засады Староуситовской губы с пяти; Чирской губы с четырех» крестьян, итого 22 рубля 40 копеек¹¹⁵. Спустя 10 лет, в 1775 г. в бывшей вотчине Казанской церкви находилось уже только 27 душ мужского пола¹¹⁶.

Внутренняя жизнь дома призрения предполагала благочестивый настрой всех членов нищенской общины. Поэтому, кроме добычи «хлеба насущного», особое значение придавалось богослужению. Не случайно при Казанском храме кроме священнослужителей было достаточное число церковнослужителей – дьячков и пономарей – до пяти человек.

Обязанностью таких дьячков было совершение положенных молитвословий о здравии и о упокоении православных христиан, а также ведение поминальных книг – синодиков и чтение сорокоуста – заупокойного моления по Псалтыри в течение 40 дней по кончине. Примером заказа подобной службы в богадельницкой церкви может служить запись в духовном завещании Порховского помещика Евстрата Перфильева сына Лодыженского, оставившего в 1721 г. распоряжения для наследников. В завещании сообщается о различных пожертвованиях и «задушных приношениях», которые необходимо будет сделать после его смерти. В том числе Лодыженский выделял два рубля «в больницу у Казанской Богородицы на сорокоуст»¹¹⁷.

Исповедные росписи 1733 г. сообщают, что в Казанской больнице насчитывалось хлебопросящих старцев из разных вотчин 8 человек, а стариц – 20. Кроме того, к этому времени в состав прихожан были включены просящие старцы из «Распятцкие богаделни» - 5 душ мужского пола, а также из «новопостроенной больницы псковитина посад-

цкого человека Ерофея Русинова» 5 человек мужской половины и 8 человек женской половины. Таким образом, приходской округ включал 10 дворов и три богадельни общим числом 76 человек обоого пола¹¹⁸.

В Пятенной сотне, по переписи 1745 г. «при церкви Пресвятыя Богородицы Казанские из Болницы» числилось 11 приходских дворов¹¹⁹. Храм посещался окрестными посадскими людьми, военными и поселянами, а не только больничными жителями.

Уничтожение церкви и обители милосердия, построенных А.Л.Ординым-Нащокиным

В эпоху Екатерины II Казанская церковь прекратила свое существование. Сначала, когда проводилась секуляризация духовных вотчин и были учреждены Штаты 1764 года, Казанский храм был сохранен с окладным жалованием¹²⁰. Затем, архиепископ Псковский и Нарвский Иннокентий Нечаев (1763-1798) провел радикальные меры по сокращению числа действующих монастырей и приходских церквей, под предлогом заботы о повышении доходов нуждающегося духовенства. По приказу архиерея от 19 июля 1786 г. из 56 городских церквей было решено сохранить 17, остальные приписать или оставить праздными¹²¹. Обосновывая свое решение, владыка объявлял Консistorии, что для выхода из сложившегося бедственного положения духовенства при «множестве церквей и малом числе приходских дворов», он «иных средств ныне изобрести не мог, кроме» упразднения «излишних» храмов. 21 церковь предлагалось сделать приписными, лишив самостоятельных приходов, а 18 упраздненных церквей лишались всей утвари, поступавшей в ризницу Троицкого собора и отдавались в светское ведомство Псковской Казенной палаты.

В число таких «излишних» закрываемых церквей попала и «Казанская с больниц». Из рапорта благочинного протопопа Иоанна Иосифова, осматривавшего в марте 1793 г. пустующие храмы известно, что к тому времени «в упраздненных церквях иконостасов не оказалось». Значит, все «церковное благолепие» Казанского храма было изъято¹²².

О дальнейшей печальной судьбе храма известно по «Делу Казенной палаты о вызове в г. Пскове и его округе желающих к покупке упраздненных церквей» от 11 декабря 1797 г. В нем сообщается, что как уже ранее извещалось в 1793-м году, о продаже с публичных торгов 19-ти упраздненных псковских церквей, так и теперь призываются все желающие купить здания закрытых храмов. При этом приводились примеры покупки и употребления таких зданий в качестве строительного материала. Так, после аукциона 1793 г. состоялась продажа за 50 рублей Благовещенской церкви от Рыбницких ворот (бывшей Живоносного Источника) при старейшей в городе государевой казенной богадельне, основанной при Иване Грозном. Объявился покупатель и на Казанскую церковь, как это ни странно, - священник Козмо-Дамианской церкви с Примостья Симеон Федоров. Однако он «к означенным торгам не явился» и покупку не совершил. Вследствие чего, в декабре 1797г. были назначены новые торги на 20 января 1798 г., и «псковскому градскому обществу об оном объявлено было, но таковых желающих никого не оказалось»¹²³. В отличие от духовных и светских чиновников погрязших в прагматизме и меркантилизме, у большинства псковичей были сильны благочестивые чувства, и участвовать в «святокупстве» и «святопродаже» они не хотели. Однако временная отсрочка не могла предотвратить приговор, вынесенный храму невежественными и бездуховными чиновниками, безразлично или с неприязнью относившимися к русской старине. При всякой возможности всё старое на потребу дня переделывалось на новое. Отношение к церковным древностям было крайне утилитарным. Понятие о ветхости храма являлось поверхностным, и зачастую неверным. Стоило появиться трещине в стене или своде, как храм признавался «опасным», «угрожающим поминутным падением». Старинные здания не ремонтировались, и доводились до запущенного состояния. Тогда на них начинали взирать с раздражением, заявляя, что они «своим видом причиняют безобразия городу». И затем, их ожидала горькая участь пойти на слом.

Больница, состоявшая при Казанской церкви, тоже просуществовала недолго. С

учреждением в 1775 г. Псковского Приказа Общественного призрения (ПОП) она была взята на казенный счет. Однако Приказ явно тяготили расходы на содержание городских благотворительных учреждений и выплаты жалованья их жителям три раза в год. Поэтому в январе 1787 г. приказные администраторы имели «разсуждение» о том, как им сократить расходы на богадельни в виду «открытия как здесь в губернском городе Пскове Главного, так и в уездных городах малых народных училищ, на содержание коих потребна весьма знатная сумма». В то время на обеспечении Псковского ПОП «богаделенных нищих под ведением Приказа находилось как штатных, так и заштатных девяносто девять человек». «Не имея в наличности столько суммы, чтоб всех тех девяносто девять человек содержанием удовлетворить» Приказ постановил: «зделав оным нищим разбор и положив в штат самых престарелых и увечных, кои сами собою пропитать себя не в состоянии пятьдесят человек производить им жалованья в каждую треть по два рубли». Согласно принятому решению, разбор нищих был поручен члену Приказа дворянскому заседателю коллежскому ассесору Николаю Беклешову, который вскоре выполнил разбор и сокращение богаделенных старцев и стариц до 50 человек, оставленных в штатном числе¹²⁴. В результате, с 1787 г. Казанская больница опустела, и была закрыта вместе с упраздненной церковью. Таким образом, почти одновременно, светские и духовные власти нанесли согласованный удар по древним псковским святыням и крупнейшим городским благотворительным учреждениям со столетней историей.

В ноябре 1816 г. Псковский Приказ общественного призрения предписал «градской полиции» «находящуюся в праздне здесь в городе деревянного ветхаго строения (Казанскую – А.П.) богадельню описав, оценить чрез городских присяжных ценовщиков при смотрителе больницы и богаделен порутчике Житкевиче, потом в городе Пскове жителям повестить: не пожелает ли кто оное строение купить с места». Здание Казанской богадельни было оценено только в 5 рублей. На объявление о продаже откликнулись 6 человек - псковские мещане и ямщики. По итогам

торгов высшую цену в 27 рублей предложил ямщик Анисим Иванов. 28 февраля 1817 г. псковский гражданский губернатор Борис Антонович Адеркас утвердил эту цену, и поручил Приказу общественного призрения «о получении сих денег с покупателя и об отдаче ему означенного строения сделать должное распоряжение»¹²⁵.

На протяжении 110 лет Казанская больница была крупнейшим благотворительным учреждением города. В ней содержалось от 150 человек (в 1678 г., если эти данные справедливы) до 43 человек (в 1711 г.) обоего пола. Незадолго до закрытия количество насельников еще более сократилось, что было вызвано государственным регулированием численности богадельницких нищих.

Строительство нового храма в честь Казанской иконы Богородицы в Пскове в XIX веке

Намерение вновь возвести храм, посвященный Казанской Богородице, появилось на приходе Петропавловского собора с Буя. Оно было вызвано несколькими обстоятельствами. Во-первых, после упразднения старой Казанской церкви, приходские дворы, приписанные к ней, вместе с проживавшими в них людьми, были переведены в другие соседние церкви, в том числе, отнесены к Петропавловскому собору. Именно среди таких людей, сожалевших об утрате любимой ими святыни, возник замысел о возобновлении Казанского храма на новом месте.

Во-вторых, инициатива строительства исходила от служителей и «некоторых прихожан» Петропавловского собора. Его настоятель протоиерей Василий Тимофеев Лебедев, с братьею, 15 июля 1807 г. подали прошение в Псковскую Духовную Консисторию о разрешении им сбора средств на строительство новой придельной церкви в честь Казанской иконы Богородицы. Поясняя причины своего прошения, протоиерей в частности указывал на следующие обстоятельства. По соседству с Петропавловским собором располагалась приписная к нему церковь во имя святых мучеников Бориса и Глеба, состоящая с 1710 г. в числе упраздненных. К началу XIX она пришла в такую ветхость, «что продолже-

ние в оной священнослужения сопряжено с крайнею опасностью, тем паче, что разседины во многих местах время от времени увеличивающиеся поминутным угрожают падением». К тому же теплый южный придел Петропавловского собора во имя Знамени Пресвятыя Богородицы требовал дорогостоящего ремонта, и выступал на проезжую часть Верхне-Петропавловской улицы («состоит при том на самом центре дороги, и, следовательно, не в Плана»). Вдобавок ко всему, облик древнего собора и Борисоглебской церкви не соответствовал новоманерным вкусам и представлениям о красоте служивших при них «никонианских» священников, тяготевших к модному современному стилю в духе «провинциального классицизма». Поэтому их раздражал вид «колокольни (звонницы – А.П.) на боковой стене собора в старинном вкусе устроенной». Протоиерей Василий Лебедев с братьею пеняли на то, что она «при крайнем затруднении и неудобности звона настоящему количеству колоколов вовсе несоответственна (т. к. собор забрал себе чужие колокола, снятые с упраздненных церквей – А.П.), ибо четыре только колокола помещено в ней, а прочие привешены при стене церкви, под кровлею, звук и приятность звона отъемлющую; а при всем том и ветха так же кровлею – почему они поновление оных почитая тщетным употреблением суммы (!), намерены устроить вместо Знаменской теплой по приложенному плану с фасадом на месте Борисоглебской в качестве придела новую во имя Казанския Пресвятыя Богородицы церковь и с колокольнею»¹²⁶.

Из ходатайства причта собора видно, что по смете архитектора, для сооружения Казанского придела требовалось 4565 р. 85 к., между тем церковной суммы было налично только 1354 р., да церковной плиты 45 кубических сажен, остальное же количество недостающих денег и плиты прихожане собора приняли на себя, организовав сбор денежных пожертвований «на поновление и распространение онаго собора, а равно и устройство в нем новаго иконостаса»¹²⁷.

На представленное в Консисторию прошение последовала резолюция от 14 июля 1807 г. архиепископа Псковского Ириней Клементьевского, известного своими ука-

зами об уничтожении старинных церквей. Архиепиеей сделал предписание следующего содержания: «приемля за благо усердие добротных вкладчиков, ветхую церковь святых мучеников Бориса и Глеба с (Петропавловскою – А.П.) колокольнею разобрать, а Знаменскую переименовав во имя Казанския Пресвятыя Богородицы, и обратив в придельную теплую; устроить по приложенному при сем плану и фасаду именем Господним благословляю»¹²⁸.

Даже такое благое дело как построение новых церквей или их ремонт, в то время зачастую влекло за собой слом и уничтожение старых памятников русского зодчества. Таким образом, для возведения нового Казанского храма были разобраны на строительный материал два других: старый Казанский и Борисоглебский, да еще Знаменский придел и звонница Петропавловского собора.

Строительные работы завершились к маю 1810 г. Престол и храмовый образ Казанской Богородицы были перенесены из старой разобранный церкви за Петровскими воротами. Освящение храма состоялось 6 мая 1810 г. протоиереем Василием Лебедевым. Первоначальный иконостас был собран из икон упраздненных церквей, но в 1845 г. полностью заменен на современный. Судьба старинных потемневших икон неизвестна. По свидетельству священника В.Д.Шукина (1883 г.), в его время в Казанской церкви сохранялись только 5 древних икон, четыре из которых прежде были храмовыми образами. Среди них прекрасная старинная икона из больничного храма «Казанския Пресвятыя Богородицы с двенадцатыми праздниками» в серебряной позлащенной чеканной ризе. «Убрус и вся одежда Божией Материи и Спасителя низаны мелким передним жемчугом и украшены разноцветными камнями в серебряно-позлащенных коробцах... Икона эта считается чудотворною и особенно почитается не только прихожанами онаго собора, но и всеми жителями Пскова» Размеры образа немного более 1 аршина высотой и $\frac{3}{4}$ аршина шириной (примерно 75 X 54 см)¹²⁹.

До 1840-х годов в церковной ризнице было много старинных предметов утвари: потиры, дискос, Сион, звезда, кадила и т.п., но, как сообщает В.Д.Шукин, «в этих годах

они были уничтожены», то есть, переплавлены на новые, отосланы в Лифляндские храмы или обменены в Москве на новодел¹³⁰.

Высокая трехъярусная колокольня, поставленная над притвором, была наполнена старинными колоколами. На ее верхнем ярусе звона висело 12 колоколов. К сожалению, в краеведческой литературе приводятся надписи только с двух из них, которые относились к XVI в. Неизвестно, имелись ли среди них те, что были взяты от больничной Казанской церкви.

8 июля 1910 г. на праздник «Явления иконы Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы во граде Казани» (1579), отмечался столетний юбилей существования Казанского теплого храма при Петропавловском соборе. «Настоятель собора о. Александр Королев произнес слово, посвященное празднуемому событию... После крестного хода были провозглашены многолетия Государю, Св. Синоду, благотворителям храма и вечная память служившим в храме и благотворившим ему»¹³¹. Любопытно, что «прихожане Петропавловского собора решили в честь этого юбилея построить в ограде Казанской церкви приходскую богадельню»¹³². Однако в то время уже никто не вспоминал имя основателя первого в Пскове храма в честь Казанской Богородицы – Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Память о месте нахождения древней больницы сохранялась только в названии Казанской улицы, ведущей от Петровской (или с XIX в. Новгородской) улицы в сторону реки Псковы. На дворовом месте, где прежде стояла церковь и богадельня, во второй половине XIX века были отстроены два жилых дома, частично включившие в свой объем старые погребки со сводами.

После Октябрьской революции 1917 г. были стерты последние оставшиеся напоминания об истории Казанского храма во Пскове, а значит, и мемориальные объекты, связанные с жизнью и благотворительной деятельностью в городе А.Л.Ордина-Нащокина. В конце ноября 1923 г. состоялось массовое переименование старых улиц Пскова. Казанской улице было навязано имя Зиновьева, замененное в 1929 г. на прозвание Красных партизан, сохраняющееся по сию пору!¹³³

В 1952 г. псковский историк и библиограф С.А.Цвелев указывал на развалины Казанской церкви с больниц, сохранявшиеся тогда на улице Петровской (К.Маркса), 20, рядом с «Домом крестьянина», почти против Пушкинской улицы¹³⁴. Прежде, на месте руин стоял одноэтажный дом XIX в., разрушенный во время Великой Отечественной войны. (Он виден на дореволюционных фотографиях). Но позднее, уже в 1960-х гг. эти остатки погребов были скрыты и сровнены с землей.

В пору гонений советской власти на Православную Церковь, в 1936 г. Псковский горисполком предписанием от 23 декабря насильственно закрыл «новую» Казанскую церковь, что стояла на перекрестке Верхне-Петропавловской и Петровской улиц¹³⁵. Незадолго до Великой Отечественной войны Казанский храм был превращен в кинозал. В связи с этим его облик подвергся уродованию: трехъярусная колокольня над входом в церковь разрушена, с главы сорван крест, внутреннее убранство разорено. Здесь следует заметить, что верхний ярус Казанской колокольни своими пропорциями и архитектурными деталями был очень похож на подобный ярус колокольни Троицкого собора, поскольку эти сооружения относятся к одному времени. Колокольня служила перспективной доминантой Петропавловской улицы, и подчеркивала связь с главным собором на панорамных видах города.

В период оккупации Пскова немецко-фашистскими войсками, богослужения в храме возобновились, хотя и не сразу. До 1943 г. Немцы продолжали использовать его как кинозал. Но после протеста против такого употребления церковного здания, заявленного начальником Псковской Православной Духовной Миссии протоиереем Кириллом Зайцем перед военным комендантом города, богохульство прекратилось, и Казанский храм отдан верующим. 2 сентября 1943 г. состоялось торжество поднятия Креста, а 3 сентября освящение престола с «перенесением чудотворной иконы Казанской Божией Матери из Дмитриевской церкви во вновь отремонтированную Казанскую»¹³⁶.

Богослужения в храме продолжались и после войны до 1960 г. Но при хрущевских гонениях на Церковь, местные безбожные

власти, чтобы отчитаться о своей борьбе с религией постановили снести Казанскую церковь. Публично, в газетах, это решение обосновывалось тем, что храм якобы «мешает дальнейшей реконструкции и благоустройству одного из центральных районов города по улицам Карла Маркса и Воровского», и будто бы «не является историческим памятником архитектуры, мешает прокладке подземных коммуникаций, препятствует нормальному транспортному скрещиванию двух важнейших уличных магистралей города...»¹³⁷. (Последний довод уже знаком, он приводился еще в 1807 г., когда понадобилось уничтожить Знаменский придел Петропавловского собора). В результате, когда «новому» Казанскому храму в 1960 г. исполнилось 150 лет, его снесли, и поставили на том месте пивной ларек. Накануне уничтожения исторического здания, его святой престол и иконостас были спасены от поругания, и перенесены в Троицкий собор, где в южном приделе Св. Князя Всеволода-Гавриила тогда же устроен дополнительный придел в честь Казанской Богородицы.

К счастью, в соборе сохранился и чудотворный, почитаемый псковичами образ Казанской Божией Матери XVII в. во имя которого А.Л. Ордин-Нащокин построил храм¹³⁸. Икона имеет необычную богатую по содержанию композицию. Она двухчастная. На вертикально вытянутой доске существует два равновеликих квадратных средника, один над другим. В нижнем помещен образ Казанской Богородицы, а над ним Воскресение Христово. Верхняя часть иконы представляет собой двенадцатые праздники, из которых главный и самый великий – Воскресение Христово, находится в центре, а остальные одиннадцать праздников окружают его в виде клейм, расположенных «покоеобразно». В нижнем ряду – Богородица со Христом, а по сторонам – три чина святых, предстоящих в молении, в шести клеймах.

Общая композиция иконы имеет глубокий богословский смысл, связывающий с мировой христианской историей судьбу спасения православной России. Как известно, в Смутное время на Руси чудотворная икона Казанской Богородицы сопровождала в 1612 г. русское ополчение князя Д.М. Пожарского и К. Ми-

нина, созданное для освобождения Москвы от поляков. Изображение святых по сторонам иконы символизирует это духовное единение православных христиан в молитве перед Божией Матерью о заступничестве, помощи и покровительстве Святой Руси.

Верхняя половина иконы с двенадцатью праздниками представляет их достаточно традиционно, за исключением символически насыщенного средника с образом Воскресения Христова. Здесь показаны одновременно события связанные со спасением падшего человечества через искупительные страдания Сына Божия, Его Светлое Воскресение, сшествие во ад и попрание сил зла. В левом углу изображено воплощение ада, из пасти которого Спаситель выводит от пропасти гибели души праведных в Царство Небесное. Райские обитатели представлены в виде чудесного града или храма, у врат которого стоит апостол Петр. Внутри за стенами Небесного Иерусалима находятся пророки Моисей и Илия, встречающие благоразумного разбойника Дизмана. Очертания Града напоминают древнерусские изображения церковных стен, участвовать в духовном храмоздательстве которых призывает Господь всех христиан для спасения души. Икона выражает идею чудесного спасения от гибели Православного Русского Царства, как Дома Пресвятой Богородицы. В ней содержится зримый образ возрождения нашего Отечества от смуты через Православную Веру, а будущая судьба России эсхатологически связана с Божьим Промыслом.

* * *

Благотворительные учреждения, основанные А.Л.Ординым-Нащокиным, пережили драматическую и печальную судьбу, разделив все исторические испытания, выпавшие на долю нашего города за минувшие

триста лет. Несмотря на то, что они не дожили до настоящего времени, они выполнили свое историческое предназначение, и послужили главной благородной цели, поставленной их создателем: служить для душевного спасения людей и оказывать действенную помощь ближним. Наш выдающийся пскович боярин А.Л.Ордин-Нащокин, занимая высшие должности в правительстве царя Алексея Михайловича, руководя внешнеполитическим ведомством России, находил время служению страждущим не по обязанности, а по велению сердца. Через всю свою жизнь Афанасий Лаврентьевич пронес веру в высокие христианские идеалы добра и справедливости. Воспринимая свое жизненное поприще как православный христианин, он стремился во всех своих деяниях следовать нравственному закону и проявлять милосердие к людям. Занимаясь международными переговорами, он руководствовался евангельской заповедью: «Блаженны миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся». И так, своими дипломатическими успехами приводил враждующие государства к миру. На закате жизни он показал смирение, и уйдя в монастырь, отказался от мирской славы, став «государевым богомольцем».

К духовным заслугам инока Антония Нащокина относится распространение на Псковской земле почитания иконы Казанской Богородицы и Святителя Филиппа Митрополита Московского. Строительством храмов в их честь старец Антоний содействовал сплочению псковских святынь с московскими, стремился приобщить своих земляков к благочестивому поклонению новопрославленным святыням, и, таким образом, духовно укреплял русское национальное самосознание.

Добродетельная и подвижническая жизнь А.Л.Ордина-Нащокина являет нам яркий пример того, как нужно служить Богу, Царю, Отечеству и ближним своим.

**Сводный список духовенства Казанской церкви и служащих при Новой больнице
А.Л.Ордина-Нащокина**

Годы упоминания	Духовный чин, сан или должность	Имя	Источник
1675	Дьячок - Староста новой богадельни -	Игнашка Петров Мишка Лукьянов	Псковские акты собрания А.Ф.Бычкова 1623-1698 гг. Каталог. – СПб., 1997. – С. 49-50.
1678	Поп – Дьякон – Дьячок – Дьячок – Дьячок – Дьячок – Пономарь –	Демид Иванов Иван Емельянов Минка Семенов Тимошка Семенов Игнашко Петров Тараска Карпов Ивашко Семенов	РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. № 8500. Переписная книга Пскова 1678 г. Л. 306, 246, 246 об., 285-285 об.
1678	«Староста Новья болницы»	Мишка Горбун	ПГВ. – 1869 г., 1 ноября. - № 43. – С. 249.
1685	Староста прося- щих старцев	Федка Иванов	ПГВ. – 1869 г., 25 октября. - № 42. – С. 240.
1688	«новых болниц нищих староста»	Самошка Иванов	ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 297 (Редких книг). Инв. № 924. О.Ф.15552(1325). Л. 1.
1690	«новые болницы староста»	Якушко Марков	Там же. – Л. 1-2.
1695	«Церкви Богоро- дицы Казанские и болниц строи- тель»	Яков Хромой	ПГВ. – 1849 г., 7 декабря. - № 48. – С. 189.
1698	«Церкви Богоро- дицы Казанския и болницы строи- тель»	Иаков Хромой	ПГВ. – 1869 г., 15 ноября. - № 45. – С. 265.
1699	«Церкви Пресвя- тая Богородицы Казанския боль- ничных нищих строитель»	Яков Хромой	ПГВ. – 1849 г., 7 декабря. - № 48. – С. 189.
1697	Поп Дьячок Староста боль- ничный	Никита Федоров Яков Марков Петр Васильев сын Замочник	Псковские акты А.Ф.Бычкова... С. 165. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. № 38. Оброч- ная книга Пскова 1697 г. Л.95 об. Там же. - № 38. Л. 87 об.

1711	Поп Пономарь Бывший боль- ничный староста, умерший в 1710 г.	Филип Иванов Антип Стефанов Яков Хромой	РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8512. Пе- реписная книга Пскова 1711 г. Л. 43, 46 об.-47, 55-55 об.
1723 (по сказке 1720 г.)	Поп Дьячок	Максим Иванов Иван Ефимов	РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. № 2699. Л. 11.
1733	Поп Дьячок Пономарь Староста богаде- ленный	Герасим Макарьев Парфений Ефимов Василий Савин Филип Вовилин	ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3461. Л. 18- 21 об. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 609. Инв. № 384. Л. 13.
1735	Поп Дьячок Пономарь	Герасим Макарьев Андрей Игнатьев Василий Савин	ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3464. Л. 111- 114 об.
1740	Поп Богоявлен- ской церкви из Бродов Пономарь Казан- ской церкви от Торгу	Семен Фадеев Михаил Марков	ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3473. Л. 98- 100.
1745	Поп Дьячок Пономарь	Иван Филиппов Василеи Тимофеев Григорей Нестеров	РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2707. Л. 14 об.-15.
1758	Поп (прежде бы- вый) Пономарь Дьячок (прежде бывый, см. 1697 г.) Староста Староста (прежде бывый)	Авдей Тимофеев Михаил Марков Яков Марков Иван Андреев Петр Замошников	ГАПО. Ф. 22. Оп.1. Св. 149. № 749. Л.1, 18 об., 41, 88 об., 141 об.
1758-1765	«Священник Ка- занской церкви з болниц»	Иоанн Федоров	Клировые ведомости церквей г. Пскова за 1800 г. – ПИХМЗ. Древ- лехранилище. Ф. 602. Инв. № 325. Л. 31 об.-32.
1770	Священник Дьячок Пономарь Псаломщик	Симеон Васильев Иван Кононов Леонтий Изотов Петр Терентиев	ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3532. Л. 109- 111.
1775	«Выборной» к уплате денег по- душного сбора от «Казанские церк- ви з болниц»	Григорей Никитин	ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 932. Инв. № 977. На 1 л.

Род боярина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина

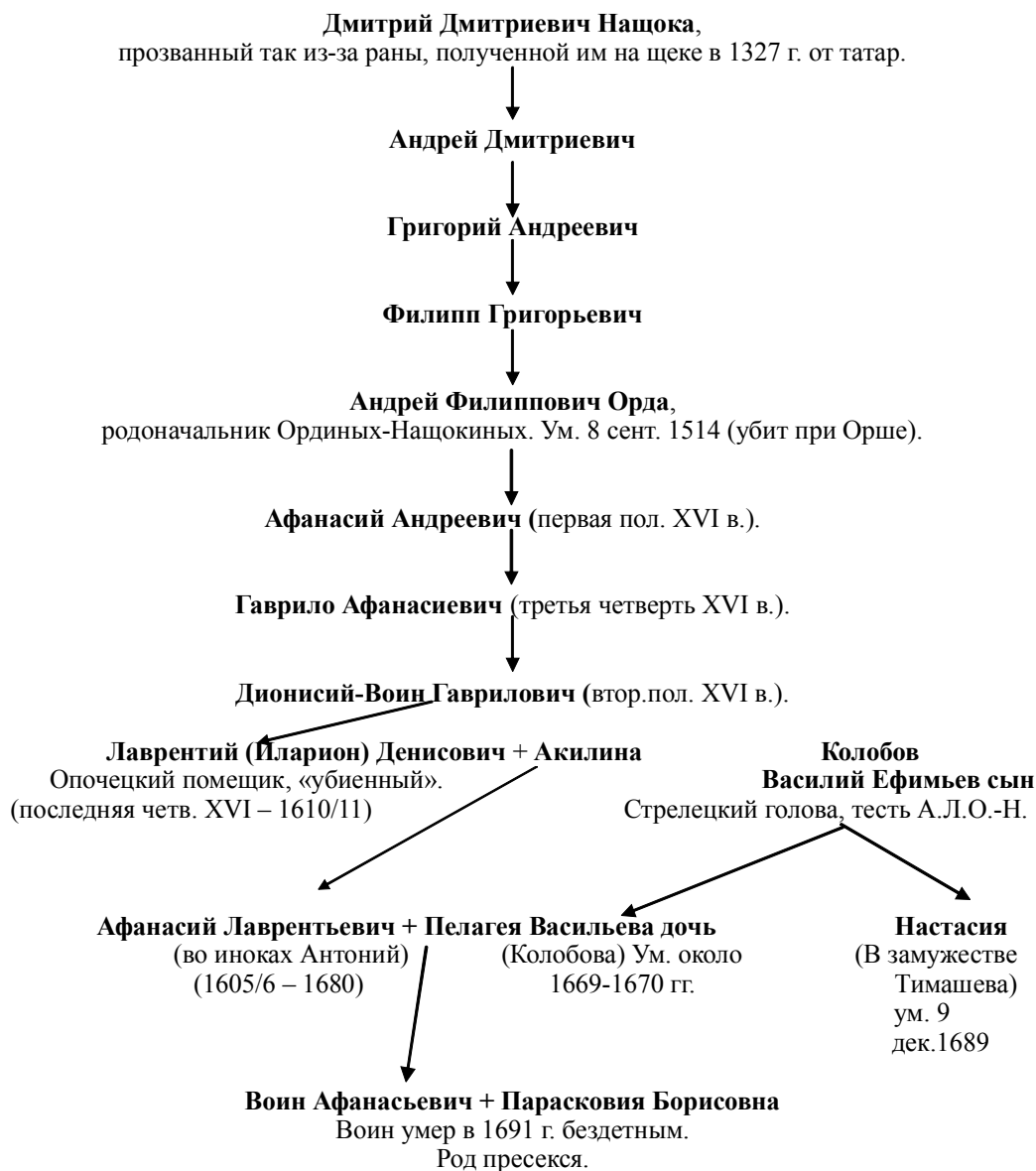

Схема составлена по следующим источникам: **1)** Русская родословная книга. Издание журнала «Русская старина» / Составитель Михаил Иванович Семевский. – СПб., 1873. – С. 151, 263-265; **2)** ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 432. Инв. № 98. Синодик Николо-Любяткова монастыря, писанный в 1681 г. Л. 90 об.; **3)** ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 831. Инв. № 90. Синодик Троицкого собора (старинный). Л. 53 об.; **4)** Там же. – Ф. 831. Инв. № 94. Синодик Троицкого собора, конец XVII в. Л. 38.; **5)** Галактионов И.В. Ранняя переписка А.Л.Ордина-Нащокина (1642-1645 гг.). – Саратов, Издательство Саратовского университета, 1968. – С. 13, 17, 43, 47, 59, 79-80; **6)** Эйнгорн В.О. Страница из биографии Воина Ордина-Нащокина (XVII век) // Вестник Европы. – СПб., 1897. - № 1 (февраль). – С. 883-887; **7)** Иконников В.С. Исторические заметки: Сын ближнего боярина А.Л.Ордина-Нащокина //Русский архив. – Год двадцать четвертый 1886. - № 12. – М., 1886. – С. 521-523; **8)** Терещенко А.В. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. – Ч. 1. – СПб., 1837. – С. 27-68, 225-236; **9)** Березский Александр, священник. Историко-Археологический очерк Псково-градского Георгиевского со Взвоза храма. – Псков, 1887. – С. 28; **10)** Приходо-расходные книги Московских приказов 1619-1621 гг. – Составил академик С.Б.Веселовский. – М.:Наука, 1983. – С. 227.

Примечания

1. *Соловьев С.М.* Ордин-Нащокин // Санкт-Петербургские Ведомости. - № 70. - 1870; *Эйнгорн В.О.* Отставка А.Л.Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу // ЖМНП. - Часть СССХIV (Ноябрь). - СПб., 1897. - С. 92-176; *Матвеев П.* Москва и Малороссия в управлении Ордин-Нащокина Малороссийским приказом // Русский архив. - № 2 за 1901 г. - М., 1901. - С. 219-243; *Чистякова Е.В.* Социально-экономические взгляды А.Л.Ордина-Нащокина // Труды ВГУ. - Т. XX. - Воронеж, 1950; *Чистякова Е.В.* Новоторговый устав 1667 // Археографический ежегодник за 1957 г. - М., 1958; *Чистякова Е.В.* Русский реформатор А.Л.Ордин-Нащокин во Пскове (1665-1669) // Чтения по истории Русской культуры. - М.: ИРИ РАН, 2000. - С. 125-145; *Курсков Ю.В.* Псковская городская реформа 1665 г. // Ученые записки Ленинградского пединститута им. А.И.Герцена. - Т. 194. - Л., 1958. - С. 169-192.
2. *Малиновский А.Ф.* Библиографические сведения о первом в России канцлере боярине Афанасие Ордине-Нащокине // Труды и летописи общества истории и древностей Российских, учрежденного при императорском Московском университете. - Ч. VI. - М., 1833. - С. 187-188; *Терещенко А.В.* Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. - Ч. I. - СПб., 1837. - С. 63-65; *Иконников В.С.* Ближний боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, один из предшественников петровской реформы // Русская старина. Ежемесячное историческое издание М.И.Семевского. - Т. XL. - ноябрь 1883 г. - СПб., 1883. - С. 293-294; *Ключевский В.О.* А.Л.Ордин-Нащокин // Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. - М.: Изд-во «Правда», 1990. - С. 136; *Галактионов И.В., Чистякова Е.В.* Ордин-Нащокин – русский дипломат XVII века. - М., Соцэргиз, 1961. - С. 125,126.
3. О выдаче данной церкви Пресвятой Богородицы Казанской строителю Якову Хромому, на речку Каменку и рыбные ловли 1699 г. / Публикация свящ. *Н.Ф.Милевского* // Псковские губернские ведомости. - 1849 г., 7 декабря, среда. - № 48. - Часть неофициальная. - С. 189-190; Данная на купленное дворовое тяглое место в ограде церкви Казанской Богородицы. Дана старосте просящих старцев новой больницы Федьке с товарищами впредь для владенья, 1685 г. / Публикация *К.Г.Евлентьева* // ПГВ. - 1869 г., 25 октября. - № 42. - Часть неофициальная. - С. 240; Список с грамоты Великого Государя Федора Алексеевича, 1678 г. / Публикация *К.Г.Евлентьева* // ПГВ. - 1869 г., 1 ноября. - № 43. - Часть неофициальная. - С. 249; Выпись из отказных книг на выменные вотчинные земли, данные в казну церкви Пресвятой Богородицы Казанской в Пскове, 1698 г. / Публикация *К.Г.Евлентьева* // ПГВ. - 1869 г., 15 ноября. - № 45. - Часть неофициальная. - С. 265-266; Материалы для истории монастырей и церквей Псковской губернии. Документы Псковского Никольского Любятова монастыря, обращенного в приходскую церковь села Любятова / Публикация *К.Г.Евлентьева*. - Псков, 1871. - 74 с. (Из напечатанных актов четыре касаются нашей темы: С. 6-11, 22-27, 42-51).
4. *Копреева Т.Н.* «Ведомство желательным людям». (Из автобиографических материалов А.Л.Ордина-Нащокина) // Археографический ежегодник за 1964 год. - М., 1965. - С. 333-349.
5. *Постников А.Б.* Благотворительные учреждения Пскова в XVI-XVIII вв. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал ПГПИ. - № 12. - Псков, 2000. - С. 57-88.
6. *Галактионов И.В., Чистякова Е.В.* Указ. соч. - С. 63-77.
7. *Ордин-Нащокин А.Л.* Автобиографическая записка / Публикация Т.Н.Копреевой «Ведомство желательным людям». (Из автобиографических материалов А.Л.Ордина-Нащокина) // Археографический ежегодник за 1964 год. - М., 1965. - С. 348.
8. Там же. - С. 348.
9. Там же. - С. 344.
10. *Иконников В.С.* Указ. соч. - С. 293.
11. *Эйнгорн В.О.* Отставка А.Л.Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу // ЖМНП. - Часть СССХIV (Ноябрь). - СПб., 1897. - С. 174; *Галактионов И.В., Чистякова Е.В.* Указ. соч. - С. 125; Крыпецкий игумен Тарасий упоминается в акте от 6 июля 1673 г. Смотри каталог «Псковские акты собрания А.Ф.Бычкова». - СПб., 1997. - № 563 - С. 177.
12. Цитируется по: *Копреева Т.Н.* Неизвестная записка А.Л.Ордина-Нащокина о русско-польских отношениях второй половины XVII века // Проблемы источниковедения. - Т. IX. - М., 1961. - С. 212.
13. *Эйнгорн Виталий.* Страница из биографии Воина Ордина-Нащокина (XVII век) // Вестник Европы. - СПб., 1897. - № 1 (февраль). - С. 886.
14. *Копреева Т.Н.* Неизвестная записка А.Л.Ордина-Нащокина... - С. 212.
15. *Шаховская Т.К.* Книги кирилловской печати XVI-XVII вв. из собрания библиотеки Тартуского университета и Псково-Печерского монастыря. - Тарту, 1991. - С. 22-24. (№ 8, 10, 12).

16. *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. - СПб., 1877. - С. 400.
17. *Галактионов И.В., Чистякова Е.В.,* Ордин-Нащокин – русский дипломат XVII века. – М., 1961. – С. 125, 126.
18. ПИХМЗ. Древлехранилище. Инвентарные книги довоенного времени. По описи 1934 г. № 41. - *Ляпустин А.С., Янсон А.К.* Краткое описание старинных книг Псковского Историко-Археологического Музея (Поганкины палаты). – Книги славяно-русские печатные кирилловским шрифтом. - № 88. III-65. С. 156-157; См. также: *Осипова Н.П.* Каталог книг кирилловской печати XVI-XVII веков Псковского музея-заповедника. – Псков, 1985. – С. 7-8.
19. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. Троицкого собора. Инв. № 352. Иннокентий Гизель. Мир с Богом человеку. – Киев, тип. Лавры, 1699 (7177).
20. РГАДА. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Дело № 1228. Л. 1-2.
21. *Эйнгорн В.О.* Отставка А.Л.Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу // ЖМНП. – Часть СССХIV (Ноябрь). – СПб., 1897. – С. 173.
22. *Иконников В.С.* Указ. соч. // Русская старина. – Т. XL. – СПб., 1883. - № 10 (октябрь). – С. 27.
23. *Тихомиров М.Н.* Псковское восстание 1650 года. Из истории классово-борьбы в русском городе XVII века. – М.; Л., 1935. – С. 84–85.
24. *Окулич-Казарин Н.Ф.* Опись свитков, находящихся в Музее ПАО // Труды ПАО за 1906 г. – Вып. 3. – Псков, 1907. – С. 159; *Лебедев Г.В., священник.* Погост Любятково. – Псков, 1887. – С. 2.
25. Краеведческая картотека С.А.Цвылева в ГАПО. Раздел «Церкви». Выписки со ссылкой на ГАПО. Ф. 548. Оп. 1. Приходо-расходная книга Приказной палаты 7188/1680 г. Л. 420; Приходо-расходная книга 1693-1694 г., 22 ноября. (Ныне этот фонд в РГАДА).
26. ПГВ за 1871 г. - № 21; *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. – С. 430.
27. Подсчеты сделаны по выборкам из писцовой книги 1585 г. по работе Н.С. Суворова Псковское церковное землевладение в XVI и XVII вв. // ЖМНП. – СПб., 1906. – № 4 (апрель). – С. 386.
28. *Евлентьев К.Г.* Материалы для истории монастырей и церквей Псковской губернии. Документы Псковского Никольского Любятова монастыря, обращенного в приходскую церковь села Любятова. – Псков, 1871. – С. 42-51, 6-11, 22-26.
29. Цит. по: *Михайлов С.П.* Из истории псковского Любятова монастыря // Земля Псковская древняя и современная. Тезисы докладов. – Псков, 1991. – С. 92.
30. *Евлентьев К.Г.* Материалы... С. 42-51.
31. РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8500. Л. 284.
32. *Евлентьев К.Г.* Материалы... С. 23.
33. РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8500. Л. 391-392.
34. *Копреева Т.Н.* Неизвестная записка А.Л.Ордина-Нащокина о русско-польских отношениях второй половины XVII века // Проблемы источниковедения. – Т. IX. – М., 1961. – С. 212-213.
35. *Копреева Т.Н.* «Ведомство желательным людям». (Из автобиографических материалов А.Л.Ордина-Нащокина) // Археографический ежегодник за 1964 год. – М., 1965. – С. 343-349; *Копреева Т.Н.* Неизвестная записка А.Л.Ордина-Нащокина о русско-польских отношениях второй половины XVII века // Проблемы источниковедения. – Т. IX. – М., 1961. – С. 217-220.
36. *Евлентьев К.Г.* Материалы... С. 22-26.
37. *Тереженко Александр Власьевич.* Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. – Часть I. – Сановники, управлявшие иностранными делами до учреждения звания канцлеров. – СПб., 1837. – С. 64-65.
38. Подробности переговорного процесса с участием Ордина-Нащокина содержатся в специальном деле Посольского приказа. См.: РГАДА. Ф. 79 («Сношения России с Польшей»). Дело № 192. На 1451 лл. Приезд послов К.П.Бростовского, Яна Гнинского и др. 1678-1679 гг.
39. *Галактионов И.В., Чистякова Е.В.* Указ. соч. – С. 127–128; *Берташ А.* Святые и подвижники Крыпецкого монастыря // Крыпецкая обитель. – Изд. 2-е. – Псков, 2001. – С. 68.
40. *Малиновский А.Ф.* Указ. соч. – С. 188.
41. *Мусийчук В.* Сказание о монахе Антонии // Псковская правда. – 1990. – 25 февраля. – С. 8; *Докучаев И.А.* Последний приют // Ленинская искра. – 1990. – 18 октября. – С. 4; *Велехов Л.* Постриг «русского Ришелье» и другие даты // Сегодня. – 1996. – 23 февраля. – С. 9; *Рыбаков В.В.* Чтобы не осталось забытых имен: Как достойно увековечить в Пскове память об А.Л.Ордин-Нащокине // Новости Пскова. – 2001. – 8 ноября. – С. 7; *Берташ А.* Святые и подвижники Крыпецкого монастыря // Крыпецкая обитель. – Изд. 2-е. – Псков, 2001. – С. 68; Оберегатель государевых дел: Более трех веков исторические манускрипты и народная молва хранят благодарную память о радетеле

- блага Отечества Афанасии Ордине-Нащокине // Псковская правда. – 2003. – 30 октября. – С.10; Мельников С. Как великий канцлер стал монахом Антонием: к 400-летию со дня рождения Ордин-Нащокина // Время - псковское (Псков). – 2005. – 1 декабря. – С. 19.
42. *Лебедев Г.В.*, священник. Погост Любятково // ПГВ. – 1887 г., 20 июня. - № 24, № 25 часть неофициальная.
 43. *Морозкина Е.Н.* Зодчество Пскова как наследие. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. – Т. 1. – М., 1967. – С. 281.
 44. *Вересова Т.В.* Вспоминая Е.Н. Морозкину // Псковский летописец: Краеведческий альманах / Ведущий редактор Т.В. Вересова; Фонд «Краевед». Псков. – М.: Красная Пресня, 2010. - №. 1 (2). – С. 116-117.
 45. Там же. – С. 118.
 46. Там же. – С. 117.
 47. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 432. Инв. № 98. Л. 90 об.
 48. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 593. Инв. № 346. Синодик Псково-Печерского монастыря. О.Ф. 29045(7). Л. 135 об; Ф. 831. Инв. № 90. Синодик Троицкого собора («древний»). О.Ф. 12368(53). Л. 35, 53 об; Инв. № 94. Синодик Троицкого собора (новый). О.Ф. 12368(54). Л. 38.
 49. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 381. Инв. № 233. Л. 47 об.
 50. *Серебрянский Н.И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. – М., 1908.
 51. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 432. Николо-Любятовский монастырь. Инв. № 372. Патерик Печерский. – Киев: типография Лавры, 1661. – 315 л.; *Осипова Н.П.* Каталог книг кирилловской печати XVI-XVII веков Псковского музея-заповедника. – Изд. 2-е. – Псков, 1985. – С. 49. - № 121.
 52. *Колобков В.А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричина Ивана Грозного. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 16.
 53. Там же. – С. 16.
 54. *Галактионов И.В., Чистякова Е.В.* Указ. соч. – С. 33.
 55. *Евлентьев К.Г.* Материалы... С. 7.
 56. Там же. – С. 6-11.
 57. *Лебедев Г.В.*, священник. Погост Любятково. Отдельный оттиск из ПГВ за 1887 г. № 24 и 25 // Храмы и монастыри губернского Пскова. Сборник дореволюционных публикаций. / Составитель *Н.Ф.Левин*. – Псков, 2005. – С. 357.
 58. *Евлентьев К.Г.* Материалы... С. 17.
 59. Псковские летописи. (ПСРЛ. – Т. V. Вып. 1). – М., 2003. – С. 115-116; *Лебедев Г.В.*, священник. Погост Любятково. – С. 353.
 60. РГАДА. Ф. 337. Канцелярия МАМЮ. Оп. 1. № 8925. Л. 640-641. (Материалы для VII тома Сборника МАМЮ: «Церковная книга» по Пскову и его пригородам. – Подготовлены Василием Нечаевым, с 1912 по 1917 годы). Подлинник хранится в РГАДА: Ф. 280. Оп. 5. № 697. Л. 135-157.
 61. Там же. – Л. 136 об.-138 об.
 62. *Загорский Ф.В.*, священник. Погост Любятково Псковского уезда. (Исторический очерк) // Псковские епархиальные ведомости за 1900 г. – (Часть неофициальная). - № 2. – С. 41.
 63. Там же. – ПЕВ. - 1900 г. - № 1. – С. 42-43; № 3. – С. 68-69; *Окулич-Казарин Н.Ф.* Спутник по древнему Пскову. – Издание второе. – Псков, 1913. – С. 289; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Св. 1730. № 5837. Дело о ремонте придела в церкви погоста Любятова Псковского уезда. 1 апреля – 5 декабря 1888 г. На 26 листах; Ф. 39. Оп. 1. Св. 1726. № 5783. Дело о постройке нового каменного придела при церкви погоста Любятова Псковского уезда 3 февраля 1905 г. – 10 июля 1908 г. На 55 листах.
 64. *Загорский Ф.В.*, свящ. – Ук. соч. // ПЕВ. – 1900 г. - № 2. – С. 40.
 65. *Лагунин И.И.* Церковь Николы в погосте Любятково. (Храмы и монастыри, упоминающиеся в каталоге) // Васильева О.А. Иконы Пскова. – М.: Северный паломник, 2006. – С. 489.
 66. См. схему пещер в машинописной работе казначея Псково-Печерского монастыря, архидьякона Нафанаила «Сборник текстов надписей в пещерах Псково-Печерского монастыря». – Пещеры, 1967. – 81 л. – ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 310. *Коротков Анатолий Петрович* (о. Феодосий, библиотекарь Печерский). Н/В. № 11391(56).
 67. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф.432. Инв. № 98. Синодик Николо-Любятова монастыря. Л. 1 об.
 68. *Серебрянский Н.И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. – М., 1908 – С. 383.
 69. Поступная запись на половину лавки, которою поступился псковитин посадский человек Иван Андреев в Любятовский монастырь, 1697 года // Евлентьев К.Г. Материалы... С. 38-42.
 70. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф.432. Инв. № 98. Синодик Николо-Любятова монастыря. Л. 90.

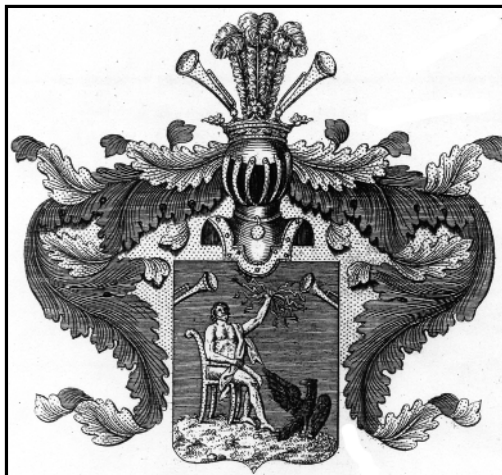
71. Киево-Печерский Патерик, или сказания о житии и подвигах Святых Угодников Киево-Печерской Лавры. – Киев, 1991. – С. 127-128. Репринтное воспроизведение с третьего издания 1903 года.
72. Обиход крюкового знаменного пения. – Москва, Типография при Преображенском богаделенном доме, лета 7419 –го (1911 г.). – Л. 447 об.-448.
73. *Тереженко А.В.* Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. – Часть I. – СПб., 1837. – С. 55.
74. *Рогожин Н.М.* Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. – М.: Международные отношения, 2003. – С. 92.
75. *Малиновский А.Ф.* Библиографические сведения о первом в России канцлере боярине Афанасие Ордине-Нащокине // Труды и летописи общества истории и древностей Российских, учрежденного при императорском Московском университете. – Ч. VI. – М., 1833. – С. 187.
76. *Ордин-Нащокин А.Л.* Автобиографическая записка / Публикация Т.Н.Копреевой «Ведомство желательным людям». (Из автобиографических материалов А.Л.Ордина-Нащокина) // Археографический ежегодник за 1964 год. – М., 1965. – С. 344.
77. Псковские акты собрания А.Ф.Бычкова 1623-1698 гг. Каталог / Составитель *Г.П.Енин.* – СПб., 1997. – С. 49-50.
78. Там же. – С. 49.
79. *Постников А.Б.* Благотворительные учреждения Пскова в XVI-XVIII вв. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал ПГПИ. - № 12. – Псков, 2000. – С. 60-61.
80. В 1676 г. строится церковь Николы от Торга, затем, заново отстраивается монастырский храм Ильи Пророка с Мокрого Луга (1677 г.). А после пожара 1682 г. начинается всплеск строительной активности псковичей, заказывавших каменные здания. При этом проводились многочисленные работы по ремонту пострадавших церквей и полной перестройке некоторых старых храмов. Например, вместо церкви Одигитрии на Печерском подворье в 1685 г. возводится с применением кирпича новая – в честь Введения во Храм Пресвятой Богородицы. В ту же пору был воздвигнут и трапезный храм Первомученика Архидиякона Стефана в Мирожском монастыре. Наконец, с 1689 по 1699 год заново строился Троицкий собор.
81. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8500. Л. 285-285 об.
82. Там же. – Л. 306.
83. Там же. – Л. 246-246 об.
84. Там же. – Л. 284.
85. Список с грамоты Великого Государя Федора Алексеевича, 1678 г. / Публикация К.Г.Евлентьева // ПГВ. – 1869 г., 1 ноября. - № 43. – Часть неофициальная. – С. 249.
86. Данная на купленное дворовое тяглое место в ограде церкви Казанской Богородицы. Дана старосте просящих старцев новой больницы Федьке с товарищами впредь для владенья, 1685 г. / Публикация *К.Г.Евлентьева* // ПГВ. – 1869 г., 25 октября. - № 42. – Часть неофициальная. – С. 240.
87. *Годовиков И.Ф.* Описание и изображение древностей Псковской губернии. Атлас рисунков древностей Пскова. – 1866 г. // ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 174. (Годовиков И.Ф.). Инв. № 31. Л. XIII. На плане Пскова с иконы из часовни Владычного Креста Казанская церковь показана И.Ф.Годовиковым под № 30.
88. *Ордин-Нащокин А.Л.* Автобиографическая записка / Публикация Т.Н.Копреевой «Ведомство желательным людям». (Из автобиографических материалов А.Л.Ордина-Нащокина) // Археографический ежегодник за 1964 год. – М., 1965. – С. 348.
89. Там же. – С. 348.
90. РГАДА. Ф.1209. Оп. 1. № 8503. Л. 161 об.
91. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 923. Дмитриевского монастыря с Поля. Инв. № 751. Выпись на околородные места.
92. Данная на купленное дворовое тяглое место в ограде церкви Казанской Богородицы. Дана старосте просящих старцев новой больницы Федьке с товарищами впредь для владенья, 1685 г. / Публикация *К.Г.Евлентьева* // ПГВ. – 1869 г., 25 октября. - № 42. – Часть неофициальная. – С. 240.
93. Там же.
94. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 297 («Редких книг музея-заповедника»). Инв. № 924. О.Ф. 15552 (1325). На 5 листах. Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей боярину и воеводе Михаилу Васильевичу Собакину об отдаче в вечное пользование рыбных ловель богадельным старцам Новой Казанской больницы от 11 июля 1690 г.
95. Там же.

96. О выдаче данной церкви Пресвятой Богородицы Казанской строителю Якову Хромому, на речку Каменку и рыбные ловли 1699 г. / Публикация свящ. Н.Ф.Милевского // Псковские губернские ведомости. – 1849 г., 7 декабря, среда. - № 48. – Часть неофициальная. - С. 189-190.
97. Сб. МАМЮ. – Т. 5. – Псков и его пригороды. – М., 1913. – С. 140.
98. Там же. – С. 138.
99. ПГВ. – 1849 г., 7 декабря, среда. - № 48. – Часть неофициальная. – С. 190.
100. *Ляпустин А.С., Янсон А.К.* Краткое описание свитков и других рукописных документов Псковского государственного областного музея. (Рукопись из Древлехранилища ПИХМЗ). – Псков, конец 1920-х гг. - № 234. – Л. 182 об.
101. РГАДА. Ф. 383. Оп.1. № 101.
102. *Галактионов И.В.* Ранняя переписка А.Л.Ордина-Нащокина (1642-1645 гг.). – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1968. – С. 13, 17, 38, 47, 59, 79, 80.
103. ПГВ. – 1849 г., 7 декабря, среда. - № 48. – Часть неофициальная. – С. 190.
104. Там же. – С. 190.
105. Там же.
106. Там же. – С. 189-190.
107. Выпись из отказных книг на выменные вотчинные земли, данные в казну церкви Пресвятой Богородицы Казанской в Пскове, 1698 г. / Публикация К.Г.Евлентьева // ПГВ. – 1869 г., 15 ноября. - № 45. – Часть неофициальная. – С. 265-266.
108. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8503. Л. 65-66.
109. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8512. Л. 57-57 об., 46 об.-47, 43, 55 -55 об., 58.
110. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (ОДДС). – Т. I. – СПб., 1868. – С. 410.
111. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8512. Л. 46 об.-47, 43.
112. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 609. Псковской Провинциальной канцелярии. Инв. № 384. Книга настольная Псковской Провинциальной канцелярии 1733-го года для записи приема неокладных доходов и оброчных денег. Л. 13.
113. ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 749. Оброчная книга Пскова 1758 г. Л. 141 об.
114. Сведения о числе ревизских душ в Псковской губернии, числившихся за разными сословиями и учреждениями, по переписи 1756 года. / Публикация *И.И.Василева* // Сборник трудов членов Псковского Археологического общества за 1896 год. – Псков: Типография Губернского Правления, 1897. – С. 18.
115. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 609. Инв. № 441. Книга записи подушных денег, взятых с помещиков и церковных вотчин Псковского и Изборского уездов за 1765 год. Л. 310 об.
116. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 932 (Казанской церкви). Инв. № 877. Квитанция Псковской Провинциальной канцелярии в получении подушных денег с вотчины Казанской церкви с больницы, 1775 г. На 1 листе.
117. Труды Псковского церковного историко-археологического комитета. – Псковская старина. Т. 1. – Псков, 1910. – С. 66. Подробнее о жизни в богадельнях, их устройстве и обслуживающем персонале см. в статье Постникова А.Б. *Благотворительные учреждения Пскова в XVI-XVIII вв.* // «Псков». Научно-практический, историко-краеведческий журнал ПГПИ. - № 12. – Псков, 2000. – С. 57-88.
118. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3461. Исповедные росписи церковей города Пскова за 1733 г. Л. 18-21 об.
119. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. № 2707. Переписная книга по городу Пскову с пригороды и с уездами и всей Псковской провинции белому духовенству с детьми мужеского пола, по сказкам 1744-1747 годов. – Л. 14 об.-15.
120. *Евгений (Болховитинов)*, митрополит. История Княжества Псковского. – Ч. 3. – Киев, 1831. – С. 144.
121. ГАПО. Ф. 39. (ПДК). Оп. 1. № 317. Протоколы заседаний Псковской Духовной Консистории 1785-1789 гг. Л. 123-127 об.
122. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 169. Журнал заседаний ПДК за 1793 год. Л. 126 об.
123. Продажа упраздненных церковей во Пскове в 1793-1798 гг. // Русская старина. Ежемесячное историческое издание Михаила Ивановича Семевского. – СПб., 1890. – Т. 68. – Ноябрь. Кн. XI. – С. 575-577.
124. ГАПО. Ф. 75. Оп. 1. № 12. Журнал заседаний Псковского Приказа общественного призрения за 1787 г. Л. 4-4 об, 112.
125. ГАПО. Ф. 20. Канцелярия Псковского губернатора. Оп. 1. № 599. Дело об утверждении цены на продажу ветхого здания казенной богадельни. (24-28 февраля 1817 г.). На 4-х листах.

-
126. ГАПО. Ф. 39. ПДК. Оп. 1. № 178. Журнал заседаний Псковской Духовной Консистории за 1807 год. Л. 368 об.-369.
 127. Там же. – Л. 369-369 об, 419 об.-420; См. также: Щукин В.Д. Петро-Павловский собор в городе Пскове. – Псков, Типография Губернского правления, 1883. – С. 16-18.
 128. ГАПО. Ф. 39. ПДК. Оп. 1. № 178. Журнал заседаний Псковской Духовной Консистории за 1807 год. Л. 369 об.
 129. Щукин В.Д. Петро-Павловский собор в городе Пскове. – Псков, Типография Губернского правления, 1883. – С. 20-22.
 130. Там же. – С. 26-27.
 131. Псковские Епархиальные Ведомости. – 1910 г., 16-31 августа. – Часть неофициальная. – Епархиальная хроника. – С. 231-232.
 132. Левин Н.Ф. Вместо церкви – «огонек» // Псковская правда. – 12 мая 1995 г. – С. 3.
 133. Филимонов А.В. Псков в 1920-1930-е годы. Очерки социально-культурной жизни. – Псков, 2005. – С. 99.
 134. ГАПО. Картотека С.А.Цвyleва «Псковiana». Раздел «церкви». Свидетельство, основанное на личном наблюдении в 1952 г.
 135. Ефимов А.Н. Процесс закрытия церквей и обновленческое движение в Пскове в 20-30 гг. XX в. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал ПГПИ. - № 44. – Псков, 2001. – С. 25; ГАПО. Ф. 2. Оп. 1. № 35. Л. 1; Ф. 324. Оп. 1. № 423. Л. 308, 268; № 424. Л. 17-18.
 136. Бакусов Г. «Вы хуже большевиков...» // Псковские хроники. История края в документах и исследованиях. – Выпуск 3. – Псков, Издательский Дом «Стерх», 2002. – С. 33; Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. – СПб., 2005. – С. 314.
 137. Левин Н.Ф. Вместо церкви – «огонек» // Псковская правда. – 12 мая 1995 г. – С. 3.
 138. Благодарю И.А. Галицкую, старшую научную сотрудницу Псковского музея-заповедника, любезно сообщившую мне сведения о современном существовании и состоянии этой иконы, находящейся сейчас на реставрации в С.-Петербурге. Ею же была предоставлена фотография с образа, сделанная до начала реставрации. Работы по восстановлению Казанской иконы выполняет С.В. Таратынова – преподаватель Академии живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина.

**Парсуна ближнего боярина
А.Л. Ордина-Нащокина.
Копийная гравюра с картины
неизвестного художника конца XVII в.**

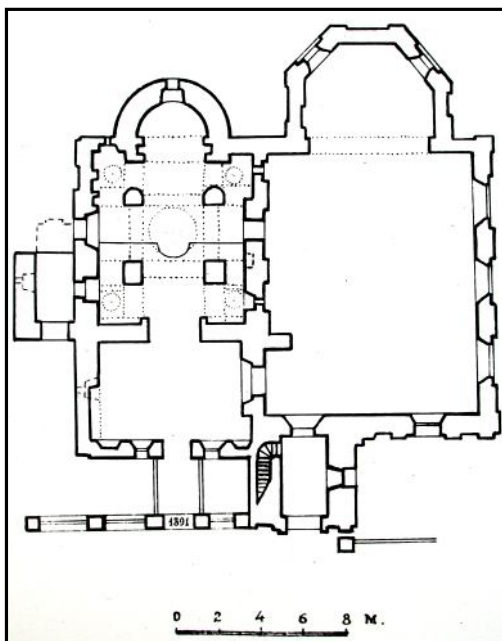
**Герб рода Нащокиных из
«Общего гербовника дворянских родов
Всероссийския Империи,
начатаго в 1797-м году». – Часть 3.
– СПб., 1799.**

**Титульный лист книги
Иннокентия Гизеля
«Мир с Богом человеку» 1669 г.
Это сочинение было подарено
А.Л. Ординым-Нащокиным
псковскому архиепископу Арсению.**

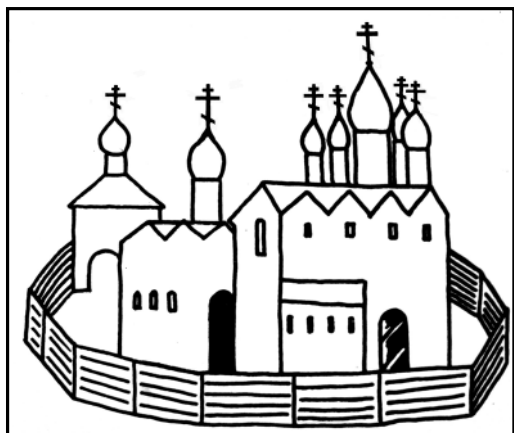
**Церковь Никола Чудотворца в Любятово.
Фото автора, 2006 г.**

**План церкви Никола в Любятово
в существующем виде.
Исполнен В.А. Лебедевой
в 1960-е гг.**

Никольский храм в начале XX в. Вид со старой открытки.

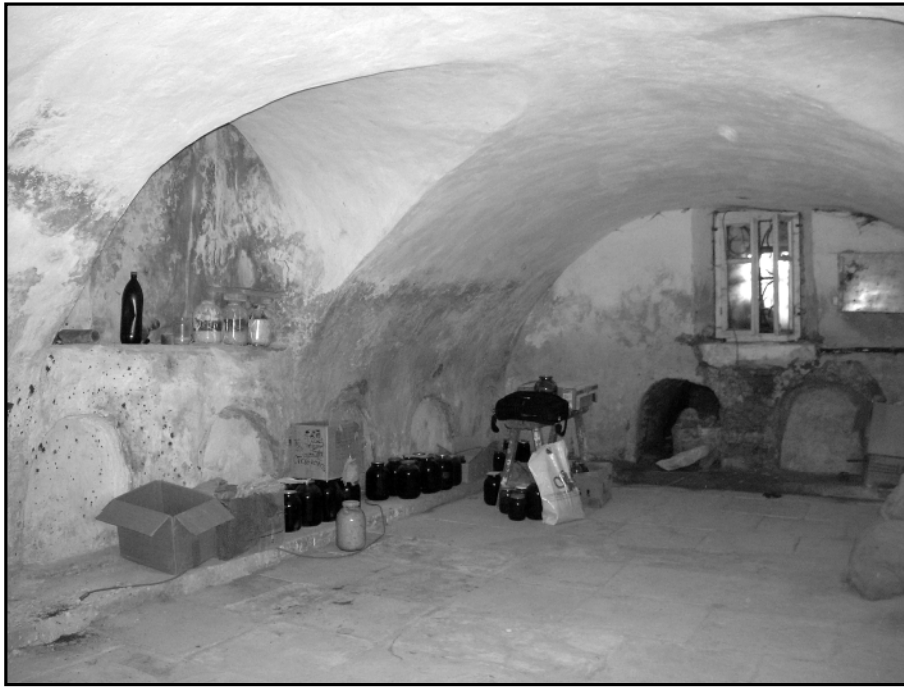
Изображение Николо-Любятова монастыря на иконе из часовни Владычного Креста XVIII в. Прорись с рисунка из альбома И.Ф.Годовикова.

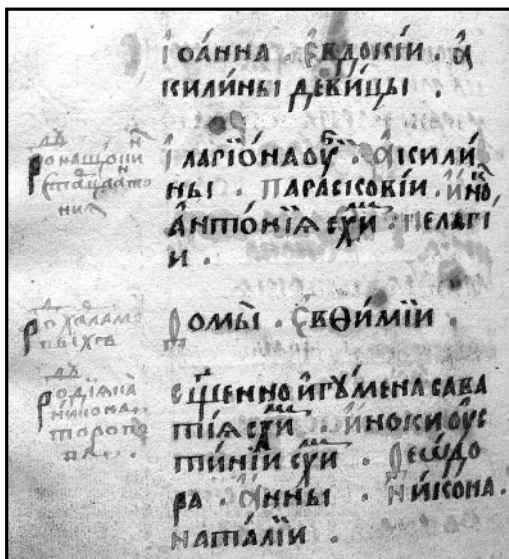
Склеп в пещере под Никольским храмом в Любятovo. Фото автора, 2006 г.

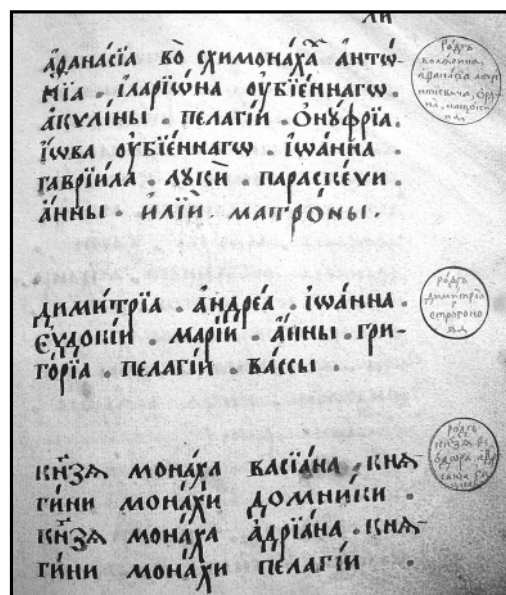
«Пещера» под крыльцом Николо-Любятова храма.
Слева – грибовидная ниша заложеного спуска в подцерковье.
Справа – ниши с захоронениями. Фото автора, 2006 г.

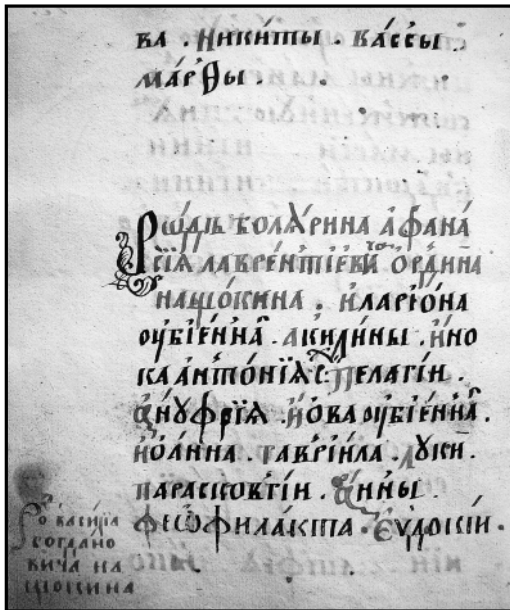
Пещера под притвором Николо-Любятовского храма. Вид на северо-запад.
У основания стены – ниши замурованных склепов. Фото автора, 2006 г.

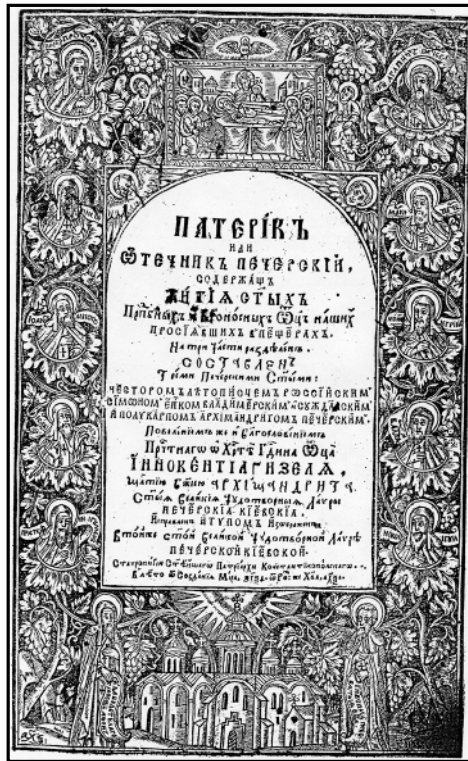
Лист синодика Николо-Любятова монастыря с поминанием рода старца Антония Нащокина, названного схимником. Запись сделана около 1681 г. Фото автора.

Лист из синодика Троицкого собора г. Пскова с поминанием рода «болярина Афанасия Лаврентиевича Ордина, Нащокина». Конец XVII в.

Лист из синодика Троицкого собора с помятием рода А.Л. Ордина-Нащокина. Около 1680-х гг.

Титульный лист Киево-Печерского Патерика, изданного в 1661 г. Из келейной библиотеки старца Антония Нащокина в Николе-Любятковском монастыре.

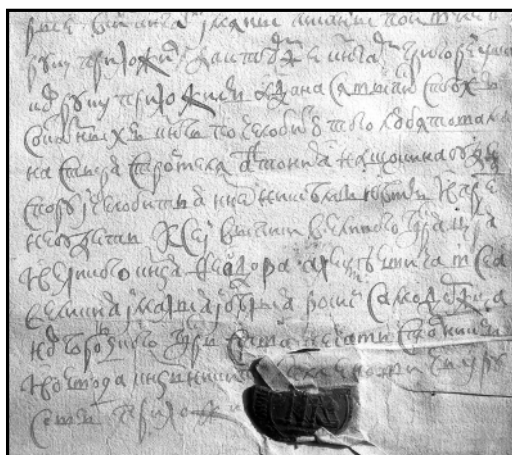
Киевские пещеры – прообраз Любятковской «пещерки под крыльцом церкви».

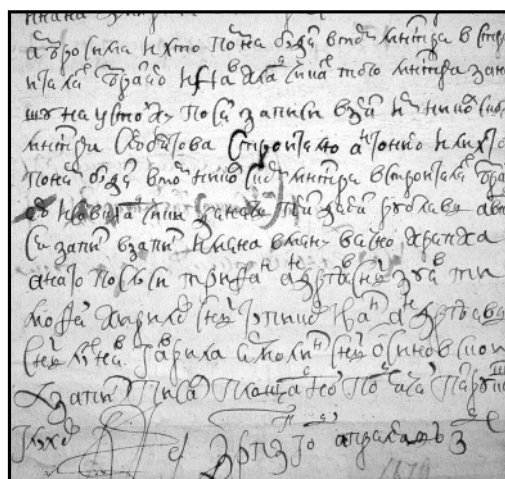
Гравюра из Киево-Печерского патерика с изображением преп. Марка-пещерника, «гробкопателя».

Житие преподобного Антония из Киево-Печерского Патерика. Его часто перечитывал старец Антоний Нашокин.

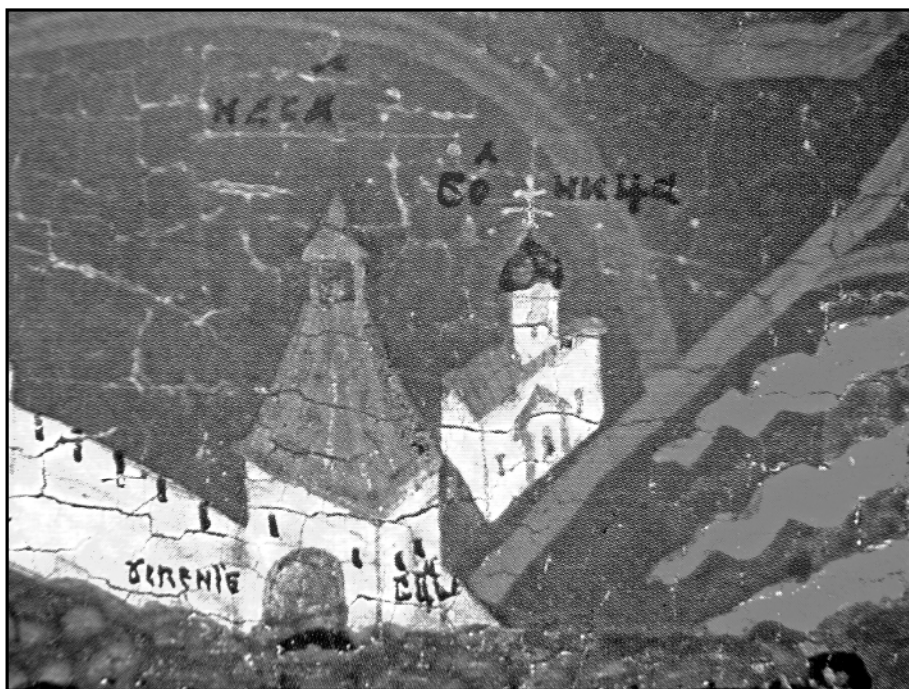
Окончание выписи из отказных книг 1677 г. на земли Николо-Любятова монастыря с упоминанием строителя Антония Нашокина.

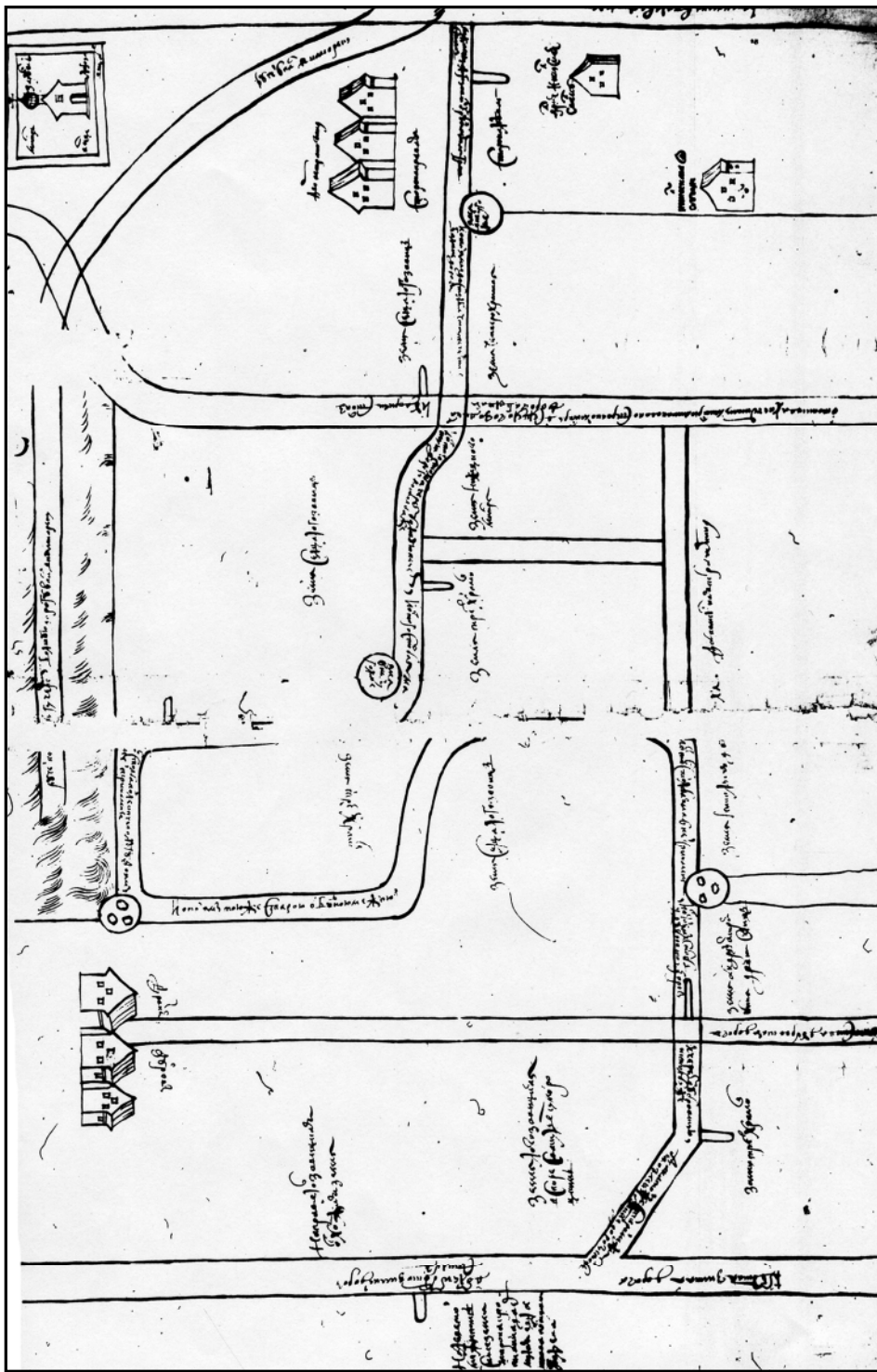
Меновая запись на пустоши 1679 г. из архива Николо-Любятовского монастыря с упоминанием строителя Антония Нашокина.

Изображение Казанской церкви на иконе из часовни Владычного Креста 1784 г.
Фрагмент акварельной копии И.Ф.Годовикова.

Фрагмент иконы «Видение старца Дорофея» из Торговых рядов
с изображением Казанской церкви
«с больниц» за Петровскими воротами Среднего города (кон. XVII – нач. XVIII в.).

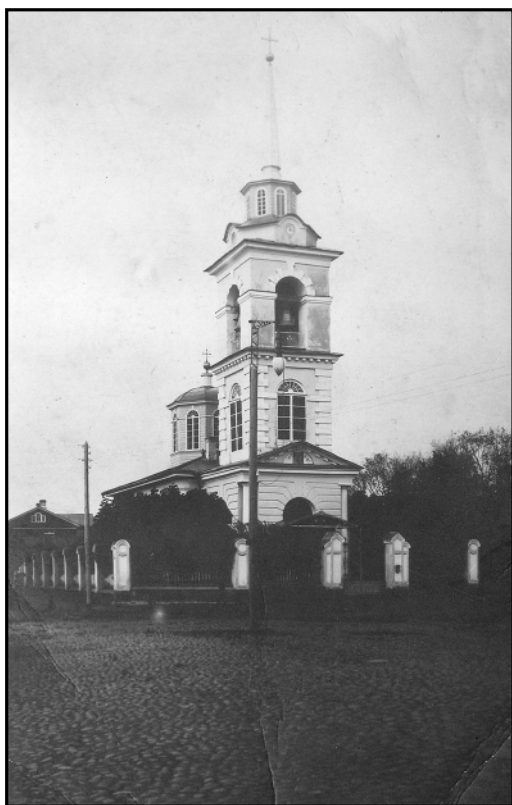
**Современный вид деревни Селище Псковского уезда,
Завелицкой засады Каменской губы. Фото автора, 2006 г.**

**Окрестности деревни Селище, где находились земли А.Л. Ордина-Нащокина
под Псковом. Справа заросшее русло реки Каменки. Фото автора, 2006 г.**

На фотографии начала XX в. по левую сторону от дороги виден одноэтажный дом, стоявший на том месте, где находилась Казанская больничная церковь.

Новая церковь Казанской Богородицы 1810 г. Фото начала XX в.

Икона Казанской Богородицы из храма, построенного А.Л. Ординым-Нащокиным.